

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

За всё надо
ПЛАТИТЬ

Каменская

Александра Маринина

За все надо платить

«Автор»

1995

Маринина А.

За все надо платить / А. Маринина — «Автор»,
1995 — (Каменская)

ISBN 978-5-699-10378-2

У Анастасии Каменской серьезные неприятности: ее отстраняют от работы, идет служебное расследование обстоятельств ее сотрудничества с криминальным авторитетом Денисовым. Можно, конечно, объяснить, что они вместе разыскивают убийц женщины и ее ребенка, но это значит сорвать всю операцию. Ведь речь идет о выявлении целой преступной организации, на чьем счету ряд странных смертей научных и творческих работников. Каменская вычисляет, что источник ее неприятностей – таинственная «контора», люди которой внедрены во все силовые структуры. Следовательно, Анастасии – слабой, беззащитной женщине – надо переиграть эту «контору». Что ж, задача сформулирована, а для аналитика это главное...

ISBN 978-5-699-10378-2

© Маринина А., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Дальше... Дальше?.. Дальше!	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александра Маринина

За все надо платить

Дальше... Дальше?.. Дальше!

Если бы не было Насти Каменской – майора милиции, аналитика отдела по борьбе с особо опасными преступлениями, а в последних романах Александры Марининой уже подполковника оперативной службы, умудренной опытом женщины, нелегкий труд которой связан с самыми ужасными преступлениями против человечности, – ее следовало бы выдумать. Наблюдая милицейских чинов, порой не в самых их лучших человеческих проявлениях – например, «трясущих» «лиц кавказской национальности» или штрафующих любого, спустившегося в метро с неподъемным баулом, «забывая» при этом выдать квитанцию на сто-двести рублей, – так хочется верить, что это далеко не вся милиция, что эти молодчики лишь досадное недоразумение, «издержки производства», и что на самом деле «моя милиция – меня бережет».

Кто же она – Настя Каменская? Не подполковник ли милиции Марина Алексеева, много лет отдавшая нелегкому труду в правоохранительных органах, прежде чем взяться за перо и рассказать читателю о далеко не радостных буднях человека в милицейском мундире. Человека, не знающего ни нормального отдыха, ни нормированного рабочего дня, постоянно вынужденного иметь дело с убийцами, ворами, грабителями и бандитами и при этом обязанного постоянно помнить о том, что все они, несмотря на их грязное ремесло, прежде всего люди. И понятно стремление профессионального писателя-детективщика Александры Марининой дать своему читателю героиню, которая не только обладала бы всеми положительными и отрицательными качествами автора (в конце концов, каждый из пишущих стремится максимально использовать собственную биографию и собственные человеческие качества, сполна наделяя ими своего героя), но и являла бы собой некий идеал милиционера, человека, женщины, которую эта профессия не ожесточила, не огрubiла, не приземлила.

В этом смысле Настя Каменская, конечно же, выдумана. Хотя бы потому, что в ней одной собрано слишком много человеческих достоинств – пять языков, которыми она владеет, тонкое знание и понимание музыки, живописи, мировой литературы... плюс к этому еще и женские качества – кокетство, умение быть красивой (если ей этого хочется), стремление любить самой и особенно – быть любимой! Но дабы мы не подумали, что героиня слишком уж положительна, автор наделяет ее и кое-какими недостатками. Она фантастически ленива (если речь не идет о ее работе), лишена умения создавать уют, ей явно незнакома знаменитая поговорка о том, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, она частенько пренебрегает заботой о собственной внешности.

Но зато Настя – человек патологически верный своим профессиональным принципам. Для нее борьба с преступностью – смысл жизни, и мне кажется, если перед нею встанет выбор: отказаться ли ей от личного счастья или отступить от своего профессионального долга, она откажется от первого в пользу второго.

Идеальный персонаж? Да. Лакированный литературный образ? И да, и нет! Потому что в жизни – как это ни парадоксально! – и не такое возможно. Ведь существует множество примеров как политического, так и профессионального, и чисто житейского фанатизма.

Но нельзя и не отметить при этом, что у читателей весьма остро ощущается тяга к подобному идеальному герою. Жизнь ежедневно являет столько мерзости, что душа поневоле ищет идеального.

Настя Каменская – тот самый искомый вариант «идеального» героя, умело задрапированный различными мелкими человеческими недостатками и слабостями, что делает ее еще

более привлекательной. Ведь, смотрите-ка, она и от безденежья страдает, и боли различные ее мучают, и домашнее хозяйство она терпеть не может... Но ведь везет она свой воз, не ропщет, не стремится найти себе местечко в какой-нибудь частной структуре, где и работы поменьше, и платить будут намного больше. Все ради того, чтобы в городе ее родном, Москве, а по возможности и во всей России вывести, вырубить, выжечь на корню все то, что не дает нам возможности безбоязно пройти от электрички до дачного участка через березовый лес, подниматься по лестнице на свой этаж, не опасаясь, что обчистили твою квартиру, не боясь, что из-за угла выскочит киллер и всадит в тебя обойму из «глока» или «магнума», а то и просто полоснет по глотке ножом.

И в этом смысле героиня романов Марининой – кумир читателей. И тут уж нет разницы – мужчины ли это, женщины ли. Мы все – и мужчины и женщины – одинаково единодушны в желании жить мирно и спокойно...

На страницах последнего романа А. Марининой «Седьмая жертва» мы как бы расстаемся с прежней Настей Каменской. Мы видим, что она выступает уже в ином звании, на новом месте работы. Естественно и наше желание знать, что же будет с этой женщиной дальше? Ведь жизнь ее продолжается, она находится на самом пике своей профессиональной деятельности, она полна сил и планов.

Не ошибусь, если возьму на себя смелость утверждать, что читатель ждет от Александры Марининой не только служебного, но и человеческого роста ее героини.

Валико Мизандари

Глава 1

Ручка легко бежала по листу бумаги, испещренному формулами и крошечными, нарисованными без линейки графиками и диаграммами. Герман Мискарьянц работал уже девять часов без перерыва, но усталости не чувствовал. Мысль текла ровно, может быть, излишне торопливо, и он, чтобы поспеть за ней, писал с сокращениями, заменяя отдельные слова стенографическими символами, которые сам же и придумывал на ходу. На тумбочке возле кровати стояли тарелки с давно остывшей едой – обедом, который ровно в два часа приносила медсестра Олечка. Теперь она придет только в семь, эти тарелки заберет, новые, с ужином, оставит, и слова не скажет, не посетует на то, что Мискарьянц целый день ничего не ел. Разговаривать с пациентами, когда они работают, строго запрещалось. Вернее, запрещалось отвлекать пациентов от работы. А уж если они сами захотят перекинуться несколькими словами с персоналом, тогда – пожалуйста. Но только если сами. В противном случае – ни-ни. Работа для людей, находящихся в отделении, – это святое. Это самое главное. Для этого они и лежат здесь.

В последние дни Герман Мискарьянц стал чувствовать себя немного хуже, появилась неприятная слабость в ногах, кружилась голова при ходьбе, но зато работалось ему на удивление хорошо. Его лечащий врач Александр Иннокентьевич оказался прав: здесь, в отделении, созданы все условия для плодотворной работы, а все, что ей мешает, осталось за толстой стальной дверью. Дома. На работе. На улице. Одним словом – ТАМ. А здесь – тишина, покой, вкусная калорийная пища, глубокий сон, витамины. Единственное, чего, может быть, не хватало Мискарьянцу, это прогулок. Но Александр Иннокентьевич объяснил ему, что главное для работы – это возможность сосредоточиться, отсутствие отвлекающих моментов. Поэтому и живут пациенты в отдельных одноместных палатах, чтобы не мешать друг другу. Поэтому и гулять не ходят. Люди же все разные, один помолчать любит, а другой, наоборот, разговорчив не в меру, суетлив, вот и будет допекать своим назойливым вниманием и общением тех, кто гуляет по парку одновременно с ним. Мискарьянц тогда согласился с врачом и вполне удовлетворился тем, что дышал свежим воздухом, распахнув настежь окна.

Вероятно, все-таки он чем-то болен, поэтому и работа не ладилась в последние месяцы. Не случайно он стал чувствовать себя хуже. Но это сейчас неважно, сейчас главное – закончить наконец программу, принципиально новую программу защиты компьютерной информации, которую так ждут в десятках банков. Компьютерный центр, в котором работал Мискарьянц, уже получил сотни заказов под этот программный продукт, прибыль ожидается огромная, а у Германа работа застопорилась. Застряла на одном месте – и все. Ни в какую. Как говорится, ни тпру ни ну. Начальство подгоняет, заказчики обрывают телефон, мол, мы вам сделали предоплату, а где обещанная программа? Герман начал нервничать, но от этого работа быстрее не стала двигаться, даже наоборот. Будто ступор какой-то нашел на него. Вот тогда ему и посоветовали обратиться к Александру Иннокентьевичу Бороданкову, заведующему отделением в одной из московских клиник. Как оказалось, не зря посоветовали.

Герман хорошо помнил свой первый визит к Бороданкову. Александр Иннокентьевич оказался приятным чуть полноватым человеком в очках с толстыми стеклами и с крупными, хорошей формы, холеными руками.

– Наверное, я зря вас побеспокоил, – смущенно начал Мискарьянц, – у меня ничего не болит, жалоб нет никаких, просто...

– Просто вы чувствуете, что с вами что-то не так? – пришел ему на помощь врач.

– Да-да, – обрадованно подхватил Герман. – Понимаете, я стал хуже работать. Если совсем честно говорить, то я стал плохо работать. Если бы я был писателем или, к примеру, композитором, я бы сказал, что у меня наступил творческий кризис. Но я математик, программист, у меня не может быть кризисов, а вот...

Он как-то по-детски развел руками, словно ребенок, разбивший чашку и не понимающий, как это она могла упасть, если только что стояла на самой середине стола.

– Вы не правы, Герман, – ласково сказал Бороданков. – Творчество – это совсем не обязательно искусство. Любое создание нового – творчество. А вы устали. Да-да, голубчик, я это отчетливо вижу. Вы просто очень устали, вы истощили себя непомерной нагрузкой, слишком интенсивной работой и невниманием к своему здоровью. И вот результат.

– Значит, вы полагаете, что я чем-то болен? – испугался Герман.

– Я этого не утверждаю, но и не исключаю. Давайте вернемся к вашим проблемам. Что вас беспокоит больше всего? Самочувствие? Или что-то другое?

– Меня беспокоит работа, которую я никак не могу закончить. А я должен сделать это в кратчайшие сроки. И я подумал, что, может быть, мне мешает какая-то болезнь...

– Хорошо, я понял. У нас с вами два пути. Первый: вы ложитесь на обследование, и врачи выясняют, что же это за хворь вас гложет. Мы этим не занимаемся, у нас другой профиль, но я с удовольствием порекомендую вас в клинику мединститута, там прекрасные специалисты по диагностике и самая современная аппаратура. По моей протекции вас туда положат, у меня в этой клинике множество знакомых. Обследование займет не меньше двух месяцев...

– Нет-нет, – испуганно замахал руками Герман. – Об этом и речи быть не может. Вы что! Я должен закончить программу самое большее за две недели.

– И есть второй путь. Я кладу вас к себе. Лечить вас я не буду, в том смысле, какой вы привыкли вкладывать в слово «лечить». Я создам вам условия для нормальной работы и назначу курс общеукрепляющей терапии. В основном витамины. Ну и легкое успокоительное на ночь, чтобы мозг отдыхал. Правильно составленную диету. Полный покой. Вам, наверное, сказали, что мои научные исследования лежат в области психотерапии, и вы теперь ожидаете, что я, подобно некоторым известным специалистам, посажу вас перед собой и начну внушать вам, что вы гениальный математик, что вам ничто не мешает закончить работу и вообще вы ее уже закончили, так что и волноваться не о чем. Верно?

Бороданков легко и весело рассмеялся, подняв руки и пошевелив в воздухе крупными длинными пальцами.

– Так вот, голубчик, это не так. Я буду заходить к вам один раз в день, вечером, и справляться о вашем самочувствии. Этим наше общение и будет ограничено. У меня есть собственная теория, я назвал ее «медицина интеллектуального труда». Поэтому у меня в отделении лежат люди, которые хотят лечиться не от болезни, а от проблем, возникающих в области интеллектуальной деятельности.

– Значит, я не один такой?

– Ну что вы, голубчик. У меня в отделении тридцать палат, и все они постоянно заняты.

При мысли о том, что «проблемы в области интеллектуальной деятельности» возникли не только у него, Герману стало почему-то легче. Значит, ничего особенного с ним не происходит.

– А кто у вас лежит? – с детским любопытством спросил он.

– Скажите, голубчик, вы хотели бы, чтобы у вас на работе узнали, что вы выработались и вам пришлось лечиться, чтобы написать вашу программу? Ответ очевиден, можете ничего не говорить. А известный композитор? Художник? Разве захочет он, чтобы почитатели его таланта узнали, что написать прекрасную песню или замечательный портрет ему помогли врачи? Вот то-то же. Анонимность – один из принципов лечения в моем отделении. Никто не узнает, что вы у меня лежали. Но и вы никогда не узнаете, кто еще, кроме вас, здесь находится. Ну так как, устраивает вас мое предложение или вы хотите лечь на обследование?

– Устраивает. Только... – Герман замялся. – Сколько это будет стоить?

– Это зависит от того, сколько времени вам понадобится, чтобы написать программу. Один день пребывания здесь стоит от восьмидесяти до ста долларов, в зависимости от назначаемой диеты и витаминного комплекса.

Герман прикинул, какую сумму он может позволить себе потратить на лечение. Выходило впритык, но все-таки выходило.

– Когда вы сможете меня положить? К вам, наверное, очередь?

– Очередь, конечно, существует, – лукаво улыбнулся Бороданков, – но ведь насчет вас мне звонила Наталья Николаевна, а для людей, за которых она просит, у меня очереди нет. Если хотите, могу положить вас прямо сегодня. Поезжайте домой, возьмите все, что вам необходимо для работы, и возвращайтесь. Я буду здесь до половины седьмого.

– Но если я буду здесь работать, мне понадобится компьютер.

– Пожалуйста, привозите, поставим его в палате. Никаких проблем.

– А жена может меня навещать? У вас разрешается?

– Конечно, пусть приходит. Но у меня, в соответствии с моей методикой, такое правило: первые несколько дней пациент входит в тот режим, который я ему рекомендую, а потом уже решает, вписываются ли визиты родственников и друзей в этот режим. Видите ли, мой метод основан на том, что человек должен полностью погрузиться в то дело, которым он занимается, и ничто не должно его отвлекать. Любой отвлекающий момент, даже несущий положительный заряд, может помешать продуктивному творчеству. Поэтому вы сами посмотрите, как пойдет дело, и потом решите, хотите ли вы, чтобы вас навещали.

Через три дня Герман понял, что ничьи визиты ему не нужны. Работа пошла так успешно и легко, что отрываться от нее хотя бы на минуту казалось ему кошунственным. Он сначала попытался закончить ту работу, над которой трудился уже два месяца, но вдруг понял, что все это ерунда, что делать нужно совсем не так, и начал все заново. Теперь, по прошествии десяти дней пребывания в отделении у доктора Бороданкова, новый вариант программы близился к завершению, и Герман испытывал необычайный творческий подъем, который с каждым днем делался все более мощным. На его фоне усиливающееся недомогание казалось ерундой, не стоящей внимания.

* * *

Александр Иннокентьевич Бороданков обернулся на скрип открывающейся двери и увидел Ольгу. Она была уже без халата, ее смена закончилась, и она стояла на пороге его кабинета в красивом темно-зеленом костюме с короткой юбкой и длинным пиджаком. С гладко зачесанными назад темными волосами и большими очками с голубоватыми стеклами она напоминала сейчас не медсестру, а деловитую секретаршу большого начальника.

– Саша, Мискарьянц опять ничего не ел, – сказала она озабоченно и почему-то грустно. – Похоже, дело идет к концу.

– Второй день?

– Да. Работает как бешеный, а тарелки все нетронутые. Неужели ничего нельзя сделать?

– Глупый вопрос, детка. Раз он не испытывает чувства голода, значит, начались необратимые изменения. Но он хотя бы продержался дольше других, сегодня десять дней, как он у нас, а другие едва неделю выдерживали. Может, нам все-таки удалось нащупать методику, как тебе кажется?

– Вряд ли, – вздохнула Ольга. – Просто Герман оказался здоровее других. Саша, так больше нельзя, ты сам видишь, ничего у нас не выходит. Без архива Лебедева мы с места не сдвинемся. Давай наконец признаем это.

– Нет.

Ответ Бороданкова был тверд, как и его кулак, которым он стукнул в этот момент по колену.

– Нет, я не отступлюсь. Если Лебедев смог придумать, то и я смогу. Мискарьянц, конечно, не старая развалина, но у него наверняка наличествуют все болячки, которые и должны быть у

тридцатилетнего мужика. Он не может быть абсолютно здоров. Гастрит, бронхит курильщика, немножко сердечко. Ты видела, какие у него мышцы ног? Играл в футбол или в хоккей, к гадалке не ходи. А коль играл, значит, падал, значит, незалеченные сотрясения мозга, пусть и легкие, но были обязательно. Он не может быть здоровее того художника, Вихарева. А Вихарев продержался всего четыре дня. У него всего и было-то немного повышенное давление, а пожалуйста тебе – инсульт. Я уверен, что мы на правильном пути, нужно продолжать работать с модификациями лакреола. Еще немного – и мы сделаем это.

– Не знаю, Саша.

Ольга бросила сумочку на кресло и подошла к Бороданкову. Александр Иннокентьевич обнял ее и усадил к себе на колени.

– Ну что ты, Олюшка? Руки опускаются? Так всегда бывает, это нужно перетерпеть. Зато представь только, что нас ждет, когда мы разработаем методику. Считай, докторская у тебя в кармане. Слава, почет, деньги. Ты сама подумай, ты же целый год работаешь медсестрой со своей кандидатской степенью. Ну неужели тебе не обидно приносить такую жертву впустую?

– Не знаю, Саша, – повторила она, обнимая его за шею и утыкаясь подбородком в густые светлые волосы мужа. – Мне почему-то кажется, что ничего у нас не выйдет, они так и будут умирать, и мы с тобой ничего не сможем с этим поделать. Иногда я ловлю себя на том, что перестаю понимать, что ты делаешь. Наверное, у меня просто не хватает мозгов на эту работу. Даже если у тебя получится, докторскую я все равно не напишу.

– У нас получится, – мягко поправил ее Бороданков. – Не у меня, а у нас с тобой. У всех нас. Ты способная, Олюшка, ты талантливая, ты обязательно защитишься. Мы запатентуем изобретение и уедем отсюда к чертовой матери, откроем собственную клинику, станем богатыми и уважаемыми людьми. Вот увидишь, все будет отлично. Сейчас я обойду палаты, и мы с тобой поедем домой. Давай сегодня сходим куда-нибудь поужинать. Ты такая красивая в этом костюме, жалко, если ты его снимешь и начнешь возиться у плиты. Давай?

– Давай, – кивнула Ольга, вставая и поправляя юбку. – Иди, Саша, я тебя здесь подожду.

Бороданков снял с вешалки ослепительно белый халат, аккуратно застегнул его на все пуговицы и отправился с вечерним обходом. Идя по светлому длинному коридору отделения, он думал о том, что Ольга, конечно же, права, без разработок Лебедева они с места не сдвинутся. Это он перед женой корчит из себя гения, утверждая, что если Лебедев смог придумать, то и он, Бороданков, сможет. На самом деле Александр Иннокентьевич прекрасно отдавал себе отчет в том, что с Лебедевым ему не равняться. Он всегда мог то, чего не могли другие. Это Бороданков понимал еще тогда, когда был аспирантом Лебедева. И почему он так не вовремя умер! И черт дернул старого дурака незадолго до смерти жениться на молоденькой женщине! Был бы женат на своей старухе, никуда б она из России не делась и проблем бы не было. Отдала бы все бумажки до единой, даже не заглянув в них. А Вероника тут же нашла себе спонсора и свалила за границу вместе со всеми архивами мужа. Ищи ее теперь.

К Мискарьянцу Александр Иннокентьевич зашел в последнюю очередь. Герман сидел за компьютером, погруженный в работу.

– Добрый вечер, голубчик. Я вижу, работа идет полным ходом, – весело приветствовал его врач.

– Да, все получается. Просто удивительно, как хорошо мне работается здесь! Кажется, всю жизнь здесь провел бы, – засмеялся в ответ программист.

– И как скоро вы закончите?

– Думаю, послезавтра. А может быть, даже завтра. Скажите, Александр Иннокентьевич, я смогу уйти домой сразу же, как только закончу программу?

– В ту же минуту, – заверил его Бороданков. – Вот видите, домой все-таки хочется, а ведь только что говорили, что провели бы здесь всю жизнь. Хорошо, с работой, я вижу, полный порядок. А самочувствие? Что-нибудь беспокоит?

– Так, – Герман пожал плечами, – слабость какая-то, но это ерунда, я вас уверяю. Это оттого, что я все время сижу, не хожу совсем, не двигаюсь. Вернусь домой и сразу восстановлюсь, дело двух-трех дней.

От врача не укрылось, что лоб Германа был покрыт испариной, волосы прилипли ко лбу, хотя в комнате благодаря открытому окну было довольно прохладно. Вокруг губ залегли синюшные тени. Он прав, подумал Бороданков, дело двух-трех дней. А то и меньше.

– Как давно вы чувствуете слабость?

– Дня четыре, наверное. Может быть, пять.

Герман пожал плечами и радостно засмеялся.

– Я так много работаю, что все дни слились в один. Если вы мне скажете, что я у вас уже целый месяц, я вам поверю.

– Так не годится, голубчик, – укоризненно покачал головой Александр Иннокентьевич. – Даже самая продуктивная работа требует перерывов. Отвлекаться, конечно, нельзя, это моя методика запрещает, а вот спать нужно обязательно. Не забывайте, во сне мозг продолжает работать, и, между прочим, намного лучше, чем когда вы бодрствуете. Вы целый день заставляете его действовать в определенном направлении, которое вам самому кажется правильным. Вы загружаете свой биологический компьютер информацией, а потом начинаете указывать ему, как он должен эту информацию перерабатывать. Но в ваших указаниях зачастую отсутствует логика, в них масса вкусовщины, начиная с того, что вам лично глубоко неприятен какой-то ученый или специалист и поэтому вы, сами того не замечая, избегаете подходов, которые этот специалист предлагает, и кончая тем, что вы раздражены и вам нездоровится, оттого что вы съели на обед что-то не то. А когда вы спите, все подобные глупости спят вместе с вами, а мозг, нагруженный информацией и чистыми, не замутненными никакими эмоциями теоретическими постулатами, работает четко и спокойно, в том темпе и том режиме, который наиболее ему удобен. Ведь не случайно, когда вы пришли к нам, отвлеклись от всего и успокоились, вам пришлось начать всю работу заново. Ведь признайтесь, в последнее время дома вы почти не спали?

– Верно, – удивленно протянул Мискарьянц. – Какой уж тут сон, когда сроки поджимают, начальство торопит, заказчики теребят, а у меня ничего не получается... И захочешь уснуть, а не получится.

– Вот видите. Спать нужно обязательно и помногу, иначе ни о каком продуктивном творчестве и речи быть не может. Пока вы бодрствуете, вы сами себя насиливаете, пытаетесь руководить собственным мыслительным процессом. А руководите вы им не всегда правильно. Только не каждый находит в себе силы в этом признаться. Что ж, голубчик, прощаюсь с вами до завтра и еще раз напоминаю: сон, сон, сон.

Выйдя из палаты, которую занимал Герман Мискарьянц, Александр Иннокентьевич зашел в комнату, на двери которой красовалась табличка: «Лаборатория». В обычных больницах за дверью с таким названием занимаются тем, что исследуют взятые на анализ кровь, мочу, желудочный сок. В кризисном же отделении, которое возглавлял Александр Иннокентьевич Бороданков, в лаборатории сидели фармацевты.

– Кто готовит комплекс для восьмой палаты?

– Я.

Молодой парень лет двадцати пяти, крепкий, круглоголовый, с внимательными темно-серыми глазами, повернулся на своем крутящемся стуле и вежливо встал.

– Исключите из комплекса все успокоительные и снотворные препараты, – приказал врач. – Оставьте только лакреол и витамины.

– Хорошо, Александр Иннокентьевич.

От фармацевтов он вернулся в свой кабинет. Ольга сидела за его письменным столом и читала дневник наблюдений, который Бороданков вел на каждого пациента. На тетради, кото-

рая лежала перед Ольгой, была наклеена бумажка с надписью: «Палата 8. Мужчина, 30 лет, жалоб нет, хронические заболевания отрицает. Математик-программист».

Услышав, как открывается дверь, она обернулась и вопросительно посмотрела на мужа.

– Ну как там дела?

– Ничего нового, Олюшка. Ты же разносила ужин, все сама видела. Писатель дрыхнет без задних ног, как поступил к нам вчера, так и отсыпается с тех пор. Художница работает, света белого не видит. Ей нужно было по договору проиллюстрировать двадцать томов детской энциклопедии, она четыре тома сделала, и наступил кризис. Помнишь, она жаловалась, когда первый раз приходила, что ей хочется к каждому тому найти свое образное решение, свой стиль, а не получается. Рисовать же просто иллюстрации к тексту ей неинтересно. Сейчас она, по-моему, отоваривает по одному тому в день.

– А Мискарьянц?

– С ним не так просто, детка. Налицо все признаки острой сердечной недостаточности, по-видимому, от нее он и скончается. Но жить ему осталось как минимум еще дня два, а то и три, а свою программу он может закончить уже завтра. После этого у меня не будет оснований задерживать его здесь, он уйдет домой и умрет в своей постели. А этого, как ты понимаешь, допускать никак нельзя.

– И что ты предлагаешь?

– Я отменил ему снотворные и успокоительные, оставил только лакреол и витамины. Это либо замедлит его работу над программой, либо приблизит конец. Ты не видела мой зонт? Черт, куда я его засунул? А, вот он. Все, детка, я готов. Пошли.

Александр Иннокентьевич своим ключом открыл тяжелую дверь служебного входа и тщательно запер ее за собой. В кризисное отделение без ведома и разрешения заведующего пройти не мог никто, даже главный врач клиники.

* * *

Ольга Решина, жена Александра Иннокентьевича Бороданкова, была очень счастлива в браке. Своего мужа она завоевывала долго и трудно, целых семь лет, и теперь дорожила им, как некоторые дорожат автомобилем, на который копили деньги многие годы.

Ставку на симпатичного холостого доцента кафедры психиатрии Ольга сделала уже на первом курсе. Ей, приехавшей из далекого Ворошиловграда и жившей в студенческом общежитии, казалось, что такое замужество будет очень удачным ходом, полезным и для дальнейшей жизни в Москве, и для карьеры. Она тут же объявила, что будет специализироваться на этой кафедре, посещала все факультативы и научные кружки, ходила на консультации, при этом стараясь попадаться на глаза доценту Бороданкову и выбирая часы, когда он находится на кафедре. Александр Иннокентьевич, конечно же, не был столь наивен и маневр разгадал сразу. В романах со студентками для него не было ничего нового, и он достаточно ловко умел получать удовольствие и при этом не попадаться на крючок. Но в этот раз ситуация была несколько иной. Дело было в том, что Оля Решина ему не нравилась. Вкус у Бороданкова оригинальностью не отличался, он любил стройных длинноногих блондинок с пышной грудью и узкими бедрами. Ольга же была совсем другой – темноволосой, широкой в кости, с аппетитными округлыми ягодицами и небольшим аккуратненьким бюстом. Одним словом, типичное не то. К тому же она была близорука и носила очки, но справедливости ради следует отметить, что очки ей шли. Глаза у Ольги были хорошей формы, но небольшие, и дорогая оправка с затемненными стеклами вполне эффективно этот дефект скрывала.

Ольга же подошла к решению поставленной задачи по-деловому и без ненужных эмоций. На ее глазах стройные длинноногие блондинки добивались благосклонности Александра Иннокентьевича, но девицы эти все сплошь были со старших курсов, и краткие бурные романы

заканчивались, как только проходила экзаменационная сессия или миновало страшное мероприятие под названием «распределение». Девушки с первых трех курсов Бороданковым не интересовались, ибо психиатрию на младших курсах еще не преподавали. Поэтому в течение первых двух лет Ольга присматривалась к удачливым конкуренткам, составляя их обобщенный образ и стараясь вычленивать то, что их всех объединяло, чтобы потом определить для себя те черты и особенности, которых в них не было. Она не стала перекрашивать волосы, худеть и прилагать усилия к наращиванию бюста. Она решила «взять» вожака доцента своей необычностью, непохожестью на других.

Задача оказалась не так проста, как представлялось вначале. Изучаемые блондинки были в основной своей массе неглупыми, а некоторые даже отличались яркой индивидуальностью, остроумием и способностями к избранной специальности, и Ольге пришлось изрядно поломать голову над тем, в чем можно было бы их переплюнуть. В конце концов она разработала план, весьма, надо заметить, рискованный. Она решила начать с заведующего кафедрой, пожилого и уставшего от студенческих глупостей Марка Наумовича Бермана.

В один прекрасный день второкурсница Оля Решина явилась к Берману, заливаясь румянцем смущения и робости, и спросила, когда Марк Наумович сможет принять ее для консультации. Завкафедрой назначил ей прийти в субботу, во время «окна» между первой и третьей парой. На консультацию Оля пришла в строгом деловом костюме, держа в руках красивую кожаную папку. Она хотела выглядеть не юной восторженной студенточкой, а человеком, готовящимся к серьезной научной работе.

– Мне удалось достать материалы конференции по психиатрии катастроф, – начала она, открывая «молнию» на папке и извлекая оттуда аккуратно отпечатанные листы. – Конференция проходила в Пекине, и все тезисы изданы на китайском языке. К сожалению, английский вариант я не смогла достать. Вот, Марк Наумович, я сделала перевод, но мне бы хотелось, чтобы вы его посмотрели. Я не уверена, что правильно перевела некоторые места.

– Вы знаете китайский язык? – вздернул брови Берман.

– Нет, – зарделась Ольга. – Я нашла переводчика и заплатила ему, но, видите ли, переводчик этот не знает медицины, поэтому он сделал подстрочный перевод, очень грубый, а я уже потом переписала текст более правильно. Но все равно у меня кое-где остались сомнения. Я на полях пометила трудные места. Может быть, вы посмотрите?

Берман молча надел очки и придвинул к себе сколотые скрепкой листы. Ольга поняла, что удар попал в цель. Шел 1987 год. Психиатрия катастроф была в тот период совсем новым направлением, толчок к ее развитию в России дала авария на Чернобыльской АЭС, а с тех пор прошло всего два года, и материалов было еще совсем мало. Постоянно крутясь на кафедре, Ольга знала, что вокруг конференции в Пекине было много разговоров, обсуждалось, поедет ли туда советская делегация, и если поедет, то в каком составе. И будет ли наше участие в конференции означать, что данное научное направление станет разрабатываться и в нашей стране. Назывались громкие имена известных ученых, которые могли бы достойно представить советскую психиатрию на этом научном собрании и которые в дальнейшем могли бы возглавить развитие психиатрии катастроф... Но все было впустую, ибо на китайскую конференцию наша делегация не поехала. Как раз в это время разразился скандал, Всемирная организация здравоохранения предъявила нашей стране претензии в негуманных методах лечения и использовании психиатрии для борьбы с диссидентами...

– Где вы это достали? – спросил завкафедрой, не отрываясь от текста.

– Не спрашивайте меня, Марк Наумович, – очень серьезно ответила Ольга. – Это было очень трудно.

Она выразительно вздохнула и опустила глаза. Она не собиралась рассказывать Берману во всех подробностях, каких усилий ей это стоило и в скольких койках ей понадобилось побывать, чтобы какой-то знакомый ее школьной приятельницы попросил какого-то своего знако-

мого... Ну и так далее. А потом она еще платила за перевод, и поскольку китайский язык относился к группе редких, то и перевод этот влетел ей в копеечку. Но и скрывать тот факт, что трудности были, она не собиралась. Пусть Марк Наумович поймет, что перед ним стоит человек, не останавливающийся ни перед чем во имя интересующей его науки.

Марк Наумович именно так все и понял. Он внимательно прочел перевод и одобрительно кивнул.

– Что ж, могу вас поздравить, вы весьма лихо разобрались в предмете, который является для вас новым. Давайте договоримся так. Вы оставите мне ваш перевод, я дома посмотрю его более тщательно, подредактирую – там есть ряд неточностей и даже небольшие ошибки. Но в целом – хорошо, очень хорошо. Приходите ко мне...

Он задумался, достал расписание, потом полистал перекидной календарь, стоящий перед ним на столе.

– В четверг. Да, в четверг, в четыре часа у меня начнется экзамен, я посажу первую группу готовиться, и мы с вами поговорим.

Ольга на крыльях вылетела из помещения кафедры. Он клюнул! Она ни минуты не сомневалась, что Берман оставил перевод у себя не для того, чтобы его редактировать, вернее, не только для этого. Он снимет копию и оставит ее у себя, а Ольге ничего не скажет. Наверняка в ближайшее время в каком-нибудь медицинском журнале появится его статья с анализом существующих подходов к психиатрии катастроф. А может быть, какой-то из этих подходов будет выдан за его собственный. Но это пускай. Главное, чтобы он во всеуслышание заявил на кафедре, что среди студентов, посещающих научный кружок, появился наконец человек, не похожий на других, человек по-настоящему заинтересованный, думающий, энергичный, предприимчивый. А что касается статьи, то Ольга заблаговременно проштудировала специальные издания за последние пять лет и убедилась, что все свои статьи Марк Наумович Берман пишет в соавторстве. И соавтор у него все эти годы был постоянный – Александр Иннокентьевич Бороданков. Теперь оставалось только набраться терпения и ждать.

Такой маневр Бороданкову разгадать не удалось, и он попался. Через неделю он сам подошел к Ольге, когда та собиралась уходить после очередного заседания студенческого научного кружка.

– Я слышал, у вас есть возможности доставать материалы, которые простым смертным недоступны? – иронично спросил он, старательно пряча свой интерес. – Поделитесь секретом, как вы это делаете?

Ольга подняла на Бороданкова ясные серые глаза и постаралась сделать свою улыбку как можно более грустной.

– С трудом, – ответила она. – Это бывает очень противно, но зато эффективно. К сожалению, я пока еще в том возрасте, когда мужчины видят молодое тело и не замечают мозгов.

Все было сказано предельно ясно. И Александр Иннокентьевич намек понял.

– Жаль, – огорченно развел он руками. – Я хотел было попросить вас раздобыть для меня один материальчик, но раз это требует таких жертв, то... Не смею вас обременять.

– Дело не в жертвах, а в вознаграждении за них. Если понимаешь, что после всей этой грязи тебе в руки попадает нечто действительно ценное, то дело стоит того.

Доцент Бороданков был, несомненно, очень умным человеком, иначе разве стал бы он постоянным соавтором самого Бермана! И реакция у него была острой и точной.

– Если бы вы смогли достать то, что мне нужно, мы с вами вместе могли бы написать блестящую работу. В принципе она у меня почти готова, но какая-то, знаете ли, блеклая она, сероватая. А вот использование зарубежных разработок сильно украсило бы текст, и вся работа заиграла бы. Не знаю, понимаете ли вы меня...

– Понимаю, – кивнула Ольга. – Торт вы уже испекли, теперь его нужно украсить розочками из крема. Вы действительно возьмете меня в соавторы, если я принесу вам материал?

Подумайте, Александр Иннокентьевич, доцент – и студентка. Насколько я знаю, это не принято.

Конечно, Бороданков прекрасно знал, что это не принято, и не собирался ради нее идти против установленных порядков. Он хотел ее обмануть, это было очевидно.

– Может быть, вы могли бы предложить мне другую компенсацию за то унижение, через которое мне придется пройти? – спросила она.

– Деньги? – неуверенно предположил доцент.

– Только не деньги, – быстро ответила Ольга. – Это еще более унижительно.

– Тогда, быть может... – Он замаялся. – Хотите, я устрою для вас настоящий праздник? С цветами, шампанским и развлечениями. Я вам обещаю два дня, которые вы проживете так, как вам мечтается. Затраты значения не имеют, но удовольствие вы получите, это я вам гарантирую.

– Хочу, – улыбнулась она. – Праздники – это единственное, что еще осталось ценного в нашей поганой жизни.

Через месяц Ольга принесла доценту Бороданкову ксерокопию сборника статей, изданного в Австралии. Чтобы его раздобыть, ей пришлось целую неделю ублажать в постели мерзкого толстого потного журналиста, поить его коньяком и изображать затейливую кулинарку. Разумеется, за свой счет. Для этого она продала несколько книг, изданных еще в прошлом веке и оставшихся от прабабки. Обещанный Бороданковым праздник начался в ресторане и закончился, как она и планировала, в его постели. Но залезть в постель к доценту было делом нехитрым, и Ольга понимала, что это отнюдь не главное. Главным было создание впечатления, что не он ей нужен, а она – ему. Ольга держалась в рамках, вне занятий любовью называла Александра Иннокентьевича по имени-отчеству и всячески демонстрировала ему легкое отчуждение. Праздник кончился, и они снова стали встречаться только на кафедре или в коридорах института. Бороданков никаких попыток к дальнейшему сближению не делал, но Ольгу это не обескуражило. Согласно ее плану, так и должно было быть.

Миновали летние каникулы, осенью она пошла на третий курс и исправно продолжала посещать научный кружок при кафедре психиатрии. В начале октября она напустила на себя вселенскую скорбь, перестала улыбаться, периодически подносила к глазам платочек, промакивая несуществующие слезы. Разумеется, от взгляда доцента Бороданкова это не укрылось.

– Что с вами, Оля? – как-то раз спросил он. – У вас что-нибудь случилось? Вы прямо на себя не похожи.

– Ничего у меня не случилось, – ответила она хмуро, пряча глаза. – Просто противно все. Тоска такая... Хоть вешайся.

– На личном фронте беда? – вежливо поинтересовался доцент.

– На личном фронте? – Она подняла глаза и изобразила изумление. – Нет, на личном фронте у меня бед не бывает. Там у меня все в порядке. Просто... Не знаю, как сказать. Надоело мне все. Серость, скука, однообразие, и никакого просвета.

– А хотите, снова устроим праздник? – внезапно предложил Бороданков.

Впрочем, это ему так казалось, что он сам предложил, да еще и внезапно. Ольга аккуратно подвела его к этому предложению, нацепив на крючок яркую приманку благотворительности.

– Вам снова нужны материалы? – грустно спросила она.

– Нет-нет, Оля, мне ничего не нужно. Но помните, вы говорили, что праздники – единственное, что еще осталось ценного в нашей жизни. Знаете, я сейчас понял, что вы абсолютно правы. Жизнь у нас серая, скучная, однообразная, и нам обязательно нужно устраивать маленькие праздники, чтобы не сойти с ума. Так как, вы согласны?

– Согласна, – равнодушно бросила она. – Давайте попробуем.

Второй праздник получился даже лучше первого. Ольга сказала, что в ресторан она не хочет, лучше сама приготовит что-нибудь изысканное. Они сели в машину Бороданкова, поехали на Центральный рынок и там изображали супругов-миллионеров, покупающих все самое дорогое, не спрашивая цену, не торгуясь и не жалея денег. Набив сумки продуктами, они двинулись к выходу, и тут Александр Иннокентьевич сделал еще один жест – купил охапку темно-бордовых роз на длинных толстых стеблях.

У него дома Ольга разделась, сняла свой элегантный костюм и попросила дать ей какую-нибудь старую рубашку. В этой рубашке, которая стала еще короче после того, как поверх нее был повязан фартук, Ольга и щеголяла на кухне, сверкая крепкими гладкими коленками и иногда мелькающим кружевом трусиков. Александр Иннокентьевич с удовольствием наблюдал за ней, они много шутили, хохотали, хором подпевали доносящимся из включенного телевизора популярным песенкам, иногда даже принимаясь танцевать с ножами и пучками зелени в руках. Воодушевленный легкостью и эмоциональным подъемом, Бороданков дважды за то время, пока готовился праздничный стол, «прикладывался» к Ольгиному упругому телу прямо здесь же, на кухне, среди нарезанных овощей и под аккомпанемент шипящего на сковороде мяса. Ему ужасно нравилось, что девушка моментально реагировала на его ласки, забывала о готовке и отдавалась ему страстно и изобретательно, а потом так же мгновенно переключалась на приготовление блюд, по-прежнему называя его Александром Иннокентьевичем и ничем не выдавая своего отношения к только что случившемуся. Она только ласково говорила:

– Это было потрясающе!

И тут же спрашивала:

– Вы как к острому относитесь? Противопоказаний нет?

Праздновать они начали в пятницу вечером, и к вечеру воскресенья Бороданков чувствовал себя так, будто съездил на Канарские острова. Институт и кафедра казались далекими и ненужными, проблемы исчезали сами собой, ему было легко и весело. Он действительно успел за два с половиной дня полностью отключиться и отдохнуть.

В понедельник начались будни, и снова он видел Ольгу только случайно, сталкиваясь с ней лишь в коридоре и иногда на кафедре. Накануне Нового года Александр Иннокентьевич неожиданно решил найти Ольгу.

– А не устроить ли нам праздник? – спросил он, почему-то оробев и просительно заглядывая ей в глаза.

Она поняла, что он попался. Он сидел на крючке так плотно, что теперь можно было не беспокоиться. Не сорвется. Она придумала для него наркотик, от которого доцент Бороданков уже не сможет отказаться. Весь вопрос только в том, собирается ли он и дальше использовать ее в качестве «женщины-праздника» или все-таки решится превратить праздники в повседневность.

Итак, первые три этапа плана Оля Решина осуществила успешно. На реализацию четвертого этапа у нее ушло почти четыре года. Но она своего все-таки добилась. За эти четыре года Александр Иннокентьевич защитил докторскую диссертацию, сама она успешно закончила институт и училась в ординатуре. Дважды она старым проверенным способом добывала ему зарубежные материалы для докторской и после этого изображала невыносимые страдания, а Бороданков, чувствуя себя виноватым должником, увозил ее на недельку куда-нибудь проветриться. Во время таких поездок приходилось общаться с разными людьми, которые принимали их за супругов, и Ольга делала все возможное, чтобы в ее адрес говорилось как можно больше комплиментов. Она была сама любезность и обаяние, эрудиция и тонкий юмор. В конце концов Александр Иннокентьевич, привыкший жить одиноко и вольготно, осторожно спросил ее:

– Оля, мы столько лет близки, а ты ни разу не забеременела. У тебя с этим проблемы?

Она была достаточно умна, чтобы понять, что Бороданков привык жить без хлопот и не хочет их и в будущем. Она сделала за эти семь лет два аборта, но знать ему об этом тогда не полагалось, а теперь было самое время.

– Я беременела дважды от тебя, – призналась она. – После второго аборта мне сказали, что детей у меня уже не будет.

Это обстоятельство решило все. Александр Иннокентьевич немедленно сделал ей предложение, которое было принято без долгих раздумий, спокойно и по-деловому. Ольга Решина в последний раз спросила себя, а так ли уж ей нужно быть женой Бороданкова, и получила утвердительный ответ. Если сначала задача выглядела как «студентке выйти замуж за доцента», то в процессе ее решения ситуация несколько видоизменилась. Во-первых, Александр Иннокентьевич стал доктором наук и вот-вот должен был стать профессором, а сама Ольга из студенток доросла до врача-ординатора, которому прочили блестящее будущее, и в покровительстве кафедры она уже почти не нуждалась. Во всяком случае ей делались весьма и весьма лестные предложения из хороших клиник. А во-вторых, за семь долгих лет она так привязалась к Александру Иннокентьевичу, что это больше походило на любовь, а не на расчет. В перерывах между «праздниками» она встречалась с другими мужчинами, но делала это более «для порядка», нежели по необходимости и желанию. Мужчины были нужны ей для того, чтобы не чувствовать, что весь мир сосредоточен вокруг неподатливого доцента. Она твердо знала, что если позволить этому чувству завладеть собой, то ее поведение неизбежно окажется требовательным и навязчивым, а это может отпугнуть Бороданкова, и он сорвется с любовно сконструированного крючка. Наличие любовников позволяло ей без нетерпенья во взгляде и без раздражения ждать, пока Александр Иннокентьевич созреет для очередного «праздника». А созрел он примерно раз в два месяца.

После свадьбы Ольга делала все, чтобы он не разочаровался, не пожалел о принятом решении. И он не пожалел. Ольга стала не только постоянным источником положительных эмоций в постели и на кухне, но и помощницей, соратницей. Тем, что иные мужья называют «надежным тылом». Он помог ей сделать кандидатскую диссертацию за полтора года и постоянно слышал от нее, что он самый умный и самый талантливый медик во всей России, а то и во всем мире. И она верила в свои слова, как верила и в большое будущее своего мужа. Он должен был, по ее замыслу, стать самым известным, самым великим и соответственно самым богатым врачом-психиатром сначала в России, потом в Европе, а там, бог даст... Для осуществления этой части жизненного плана она готова была на все. И то, что в интересах дела она, кандидат медицинских наук, согласилась работать медсестрой, было в ее глазах вовсе не жертвой, а необходимой платой за успех, причем мизерной частью этой платы. Она готова была и на большее. Собственно, не было такого, чего она не сделала бы для достижения поставленной цели.

Глава 2

Жара, стоявшая в Москве всю первую половину июня, внезапно сменилась холодными дождливыми днями. Окна в комнате были распахнуты настежь, и струи дождя, с ровным шумом проносившиеся вниз, то и дело сердито выплевывали крупные капли прямо на широкий, уставленный цветочными горшками подоконник. Михаил Владимирович Шоринов любил дождь. В такую погоду на него нисходили умиротворение и тихая радость.

Ольга знала, что к Шоринову лучше всего приходиться в субботу вечером. Это было самое спокойное время. Во все остальные вечера телефон надрывался от постоянных звонков, которые прерывали разговор, мешали сосредоточиться, сбивали настрой. По этой же причине она никогда не приходила к нему в офис. Только домой и только в субботу, когда жена с детьми на даче, а деловые звонки в большинстве своем откладываются на воскресенье, поближе к понедельнику, чтобы не забылись.

Она аккуратно сняла мокрый плащ, скинула туфли и босиком прошла в комнату. Ступни у нее были красивые, изящные, ухоженные, с тщательным педикюром, и Ольга никогда не упускала возможности продемонстрировать их. Шоринов не без удовольствия оглядел ее ноги, довольно откровенно обнаженные укороченной юбкой строгого костюма. Когда-то давно они с Ольгой были любовниками, правда, недолго, но воспоминания у него остались самые приятные. Она была умной и ненавязчивой, темпераментной и нетребовательной. С тех пор, как она вышла замуж за своего психиатрического гения, их интимные отношения прекратились и перешли в сугубо деловые.

– Как идут дела? – поинтересовалась Ольга, усаживаясь на мягкий диванчик возле окна и вытягивая ноги.

– Успешно. Мы ее нашли. Но она оказалась той еще щучкой, – усмехнулся Шоринов. – Запросила столько, что мне одному не потянуть. Нужно искать спонсора, который войдет в долю.

– Черт!

Она с досадой стукнула кулачком по диванной подушке.

– Неужели эта дура понимает ценность архива? У нее же образования – полтора класса и три койки. Ее кто-то консультирует?

– Непохоже, – покачал головой Шоринов. – Мой человек присматривался к ней, он считает, что ее просто жадность обуяла. Дура-то она дура, но ведь сообразила, что если приложены такие усилия, чтобы найти ее, то цена архиву ее покойного мужа – далеко не три рубля. Короче, сейчас я занимаюсь тем, что пытаюсь найти деньги. Она просит миллион долларов наличными.

– Миллион! – ахнула Ольга. – Да она с ума сошла!

– И тем не менее.

Шоринов встал и подошел к окну. Ольга смотрела на его широкую чуть сутуловатую спину и понимала, что сейчас решается ее судьба. Михаил с самого начала поверил в идею и в то, что она принесет громадные прибыли, но он, конечно, не ожидал, что потребуются такие огромные затраты. Миллион долларов! Да его и через таможеню-то не пронесешь. Неужели он откажется, бросит все на полпути?

– Что у твоего мужа? – глухо спросил он. – Никакой надежды, что обойдемся своими силами?

– Никакой, – твердо ответила Ольга. – Он, правда, уверен, что сможет, думает, что он не глупее Лебедева. Но я в это не верю. И потом, это становится опасным. Люди же умирают один за другим, уже восемнадцать человек за полгода. И никакого просвета. Это просто счастье, что никто из родственников не поднял скандал, но везенье когда-нибудь кончается. Я боюсь рисковать.

– Значит, надо искать человека, который даст наличные там, на месте. Из России столько не вывезти, даже если бы они у меня были. Оля, пойми меня правильно, я сделаю все, что в моих силах, но я должен быть уверен, что это не блеф, не мыльный пузырь. Мой риск – это мой риск, я ввязался в это дело добровольно и готов был рисковать своими деньгами. Но только своими. А поскольку я вынужден обращаться к третьим лицам, я буду рисковать уже их деньгами. Если ничего не получится, я должен буду вернуть долг. Ты понимаешь, в какую кабалу я попаду? Поэтому подумай еще раз и скажи мне: ты точно знаешь, что в архиве Лебедева есть то, что вам нужно? Ты точно знаешь, что он разрабатывал именно тот препарат, о котором идет речь у нас с тобой? А не какое-нибудь лекарство от поноса?

– Миша, ты не должен сомневаться. У нас ведь почти все получилось. У нас уже есть лакреол – препарат, стимулирующий творческий потенциал, интеллектуальную деятельность. Препарат необычайно эффективный, ты сам прекрасно знаешь это, ты же читаешь газеты. Во всех некрологах сказано: «Ушел из жизни в расцвете творческих сил, буквально за день до скоростигной смерти завершил лучшее свое произведение...» Это же не я придумала, это оценка специалистов. Но они умирают, Миша, и с этим мы ничего поделать не можем. Поэтому и нужен архив Лебедева. Он что-то придумал, хитрость какую-то, но в его экспериментальной группе не было ни одного летального исхода.

– Хорошо.

Шоринов обернулся и пристально посмотрел на Ольгу, потом сделал несколько шагов и подошел к ней вплотную. Теперь он возвышался над ней, навис, заслоняя собой свет, падающий из окна, и ей на какое-то мгновение стало страшно, она почувствовала себя слабой и зависимой.

– Я найду деньги, чтобы выкупить архив у вдовы Лебедева. Но ты должна мне пообещать...

– Все что хочешь, – быстро ответила она.

– Не торопись, Оля. Так вот, поскольку речь идет об очень больших деньгах, всегда возможны осложнения и неприятности. Не исключено, что кого-то нужно будет положить к вам в отделение. Ты меня поняла?

– Да, – едва слышно прошептала она, не сводя глаз с лица Шоринова.

– Как ты будешь обманывать своего мужа, будешь ли ты лечить людей в клинике или принесешь препарат мне, меня сейчас не интересует. Мне может понадобиться твоя помощь, и ты мне эту помощь должна будешь оказать. Ты будешь соучастницей. А может быть, и исполнительницей. А теперь подумай еще раз. Согласна ли ты? Стоит ли игра свеч?

– Да, – ответила она хрипло и тихо. Откашлялась, глубоко вздохнула и еще раз повторила, громко и отчетливо: – Да. Я согласна.

* * *

На следующий день, в воскресенье, Михаил Владимирович Шоринов сидел за одним столом с человеком, который приходился ему родственником и у которого он собирался просить денег на то, чтобы выкупить архив Лебедева. Но для того, чтобы получить эти деньги, нужно было ввести родственника в курс дела.

А дело состояло в том, что когда-то на одном из закрытых номерных заводов в научно-исследовательской лаборатории работал Василий Васильевич Лебедев, который изобрел чудодейственные бальзамы, позволяющие в считанные минуты снимать ревматическую и головную боль, похмелье, усталость, бессонницу, стресс. Один бальзам за две недели останавливал катастрофическое выпадение волос, другой в течение месяца избавлял от множества кожных болезней, третий мгновенно снимал все виды аллергических реакций, а всего их было пять. Бальзамы эти выпускались на том же заводе, но в очень ограниченных количествах – только

для правящей элиты. Но методика, примененная Лебедевым для составления и изготовления бальзамов, открывала достаточно широкие перспективы, и Василий Васильевич продолжал работать в этом направлении. Беда, однако, состояла в том, что работал он не по плану научно-исследовательской работы лаборатории, а в свободное время, по вечерам и выходным дням, по собственной инициативе, следовательно, что бы он там ни изобрел, завод на это никаких прав не имел. Если бы по плану НИР – другое дело, тогда все разработки Лебедева считались бы служебным производением и принадлежали бы организации, в которой он работал. А то, что он сделал дома в свободное от основной работы время, принадлежало только ему.

Разрабатывал же Лебедев новый бальзам, который благотворно влиял на творческие способности и вообще на интеллектуальную деятельность. Разумеется, если было на что влиять. От его бальзама человек не делался умнее или талантливее, чем был. Но зато уж если что в человеке было, то раскрывалось в полной мере. Василий Васильевич, по-видимому, не был наивным и доверчивым и прекрасно понимал, что если будет работать над своим препаратом в лаборатории, то при успешном исходе на бальзам тут же наложат руку, а сам он получит какую-нибудь паршивенькую премию в конце квартала. Поэтому работал он дома, кустарно, соорудив мини-лабораторию в своей комнате, а результаты опробовал на своих близких друзьях и родственниках. Ну и на себе, разумеется. Результаты оказались потрясающими, и информация об этом просочилась. А Лебедев возьми и умри. Прямо, можно сказать, в расцвете творческих сил, в возрасте шестидесяти восьми лет. И случилось это около двух лет назад. Его молодая вдова спустя несколько месяцев после похорон отбыла на постоянное жительство в Западную Европу, прихватив с собой весь архив мужа.

В Москве нашлась группа энтузиастов, которые решили повторить путь, пройденный покойным ученым. Разыскали первым делом тех его друзей и родственников, на которых Лебедев проверял свое изобретение. Они рассказали, что он использовал два из пяти официально производимых бальзамов и добавлял к ним еще что-то, еще какой-то препарат. Какие именно два из пяти, они не помнят, внимания не обращали, но бутылочки были заводские, с этикетками, на которых крупными красными буквами было написано «Бальзам Лебедева». Группа энтузиастов с рвением взялась за дело, раздобыв все пять разновидностей бальзама Лебедева и начав экспериментировать с ними. Первые результаты были обнадеживающими. Найдены те два бальзама, которые лежат в основе, и полным ходом идет поиск третьей составляющей, которую в тиши своей квартиры изобрел Василий Васильевич. И здесь уже достигнуты определенные успехи, создан препарат, который называли лакреол, но... Необходимый эффект получен, а пациенты умирают. Вот ведь неприятность какая. И чтобы с этой неприятностью покончить, нужно раздобыть у вдовы Лебедева архивы. Вдове нашли, уговорили ее отдать архивы, но она просит за них очень большие деньги. Вот, собственно, и вся проблема. А то, что новый препарат принесет огромные доходы, сомневаться не приходится. Он будет дешев в производстве, потому что в основе его лежат бальзамы, изготовление которых уже давно налажено и никаких новых вложений, кроме как на закупку сырья, не потребует. Более того, в ходе конверсии завод, производивший бальзамы Лебедева, был рассекречен и акционирован, а в настоящий момент его полновластным хозяином является не кто иной, как сам Михаил Владимирович Шоринов, лицензии на производство бальзамов Лебедева больше ни у кого нет, так что конкуренции опасаться не следует. Цену новому бальзаму установят сверхвысокую, но покупать его все равно будут, куда денутся. Его будут литрами закупать мамы мальчиков-абитуриентов, которые не допустят, чтобы их чадо провалилось на вступительных экзаменах в институт и загремело в армию. Научные работники, люди творческих профессий, студенты перед сессией – да все будут покупать. Даже дворники. Каждый будет лелеять надежду на то, что в нем проснется Пикассо или Эйнштейн.

– Сколько? – коротко спросил родственник Шорина.

– Она требует миллион долларов. Но наличными и там, за кордоном. Отсюда мне столько не вывезти.

– В какой стране?

Михаил Владимирович был слишком осторожен, чтобы назвать родственнику страну, где проживала вдова Лебедева Вероника. Родственник был богат и могуществен, и с него станется Шоринову отказать и сделать дело самому. Если архив Лебедева попадет в его руки, то он и сам найдет возможность изготавливать препарат. Поэтому Шоринов сказал неправду. Более того, он скрыл от дорогого дядюшки и то обстоятельство, что Вероника Лебедева уже вовсе и не Лебедева, поскольку вышла замуж за гражданина Австрии Вернера Штайнека. Незачем ему знать, ни где живет вдова, ни как ее теперь зовут.

– В Нидерландах.

– Значит, наличные нужны в Нидерландах?

– Не обязательно. Меня устроила бы любая страна Евросоюза, я легко могу найти людей, которые без проблем перевезут наличные через границы.

– Как скоро нужны деньги?

– Как можно скорее, пока вдова не передумала.

– Что ты предлагаешь мне?

– Двадцать процентов. Я беру у вас в долг миллион долларов под двадцать процентов в месяц.

– Тридцать пять, – жестко сказал родственник.

– Да помилуйте, дядюшка! – всплеснул руками Шоринов. – Какие тридцать пять! Это ж через три месяца долг вырастет в два раза. Мы только-только развернуться успеем за это время.

– А ты поворачивайся быстрее, – усмехнулся его богатый родственник. – Хорошо договоримся так. Я даю тебе деньги на четыре месяца под двадцать пять процентов. Через четыре месяца ты должен будешь вернуть мне два миллиона. Если ты не успеваешь, я получаю долю в прибылях. Тридцать процентов в течение первого года, а там посмотрим. Так что в твоих интересах шевелиться быстро, а то обдеру тебя как липку. Позвони мне завтра вечером, скажу, где и когда получишь деньги. Все, Миша, свободен.

Из дома своего дядюшки Михаил Владимирович вышел с мокрыми подмышками и колотящимся сердцем. Бог мой, в какую кабалу он влезает! Если Ольга ошиблась и в архиве Лебедева нет того, что им нужно? Если они не успеют развернуться за четыре месяца? Если... Если... Черт бы его побрал, живодера! Но деньги пообещал, и на том спасибо.

На следующий день вечером Михаил Владимирович получил информацию о том, с кем нужно связаться, чтобы получить деньги за границей. Дядюшка дает ему «лимон» на месте, чтобы не рисковать и не тащить доллары через таможню.

К этому времени Михаил Владимирович принял решение. Если все пройдет успешно, он сможет вернуть родственнику долг уже через неделю, тогда и проценты нарастут мизерные. С ними Шоринов уж как-нибудь справится.

* * *

Вероника Штайнек, в недавнем прошлом носившая фамилию Лебедева, проклинала тот день и час, когда решила, что в России ей живется плохо, а за границей будет гораздо лучше. И с чего это она так решила? Теперь она уже не могла вспомнить, то ли в книжках прочитала, то ли подруги рассказывали, но убеждение такое у нее было с самого детства. При этом никто почему-то не объяснил ей, что за границей хорошо только тем, у кого есть деньги, а тем, у кого есть деньги, и в России очень даже неплохо живется.

С симпатягой Вернером Штайнеком она познакомилась, когда Василий Васильевич еще был жив. Штайнек частенько навещался в Москву, он работал в фирме, имевшей в России

несколько представительств, и в каждый свой приезд неизменно приглашал Веронику к себе в гостиницу, угощал ужином, ублажал в постели и задавал ставший дежурным вопрос: «Ты станешь моей женой?» Вероника смотрела на себя в зеркало и пребывала в полнейшей убежденности, что Вернер покорен ее неземной красотой и феерической сексуальностью. Ведь именно об этом постоянно твердил ее старый муж Лебедев, весь из себя заслуженный, лауреат всяких разных премий, профессор, почетный член и так далее. Уж он-то должен понимать толк в женщинах, если выбрал среди множества желающих ее, медсестру физкультурного диспансера Веронику. Коль выбрал ее, значит, она и в самом деле лучше их всех, разнаряженных в кожу и меха интеллектуалок, рвущихся замуж за недавно овдовевшего представительного седовласого Лебедева.

Когда они познакомились, Веронике было двадцать три года, а Лебедеву шестьдесят два, но он многим молодым мог нос утереть. Стройный, мускулистый, с сухими поджарыми ногами, без усталости отмахивающимися километры быстрой ходьбы, с гривой белоснежных волос над высоким лбом, с орлиным носом и сверкающими глазами, он рассыпал комплименты дамам, целовал ручки и был предметом вождения для тех, кто хотел выйти замуж не только удачно, но и красиво. Понятно ведь, что можно найти богатого преуспевающего мужика и женить его на себе, но частенько оказывается, что жизнь рядом с ним превращается в тошнотворную муку, унижение, отчаяние и вообще гадость. Такие иногда попадают, что с ними на люди-то выйти стыдно. А брак с Лебедевым обещал стать во всех отношениях приятным, а главное – недолгим, учитывая разницу в возрасте.

Василий Васильевич оказался в диспансере, где работала Вероника, после того, как получил травму ноги, играя в волейбол. Через год они поженились, и молоденькая медсестра была своим супружеством вполне удовлетворена, ибо получила все, чего и ожидала от брака с шестидесятитрехлетним Лебедевым. Единственное, чего он не мог дать ей, это жизни за границей. Уезжать Василий Васильевич отказывался категорически, утверждая, что ему и здесь очень неплохо. Поэтому, побыв какое-то время женой заслуженного и известного ученого, Вероника стала подумывать о новом замужестве, на сей раз с иностранцем, а молодой резвый Штайнек подходил для этой цели как нельзя лучше. Вероника уже принялась составлять план, как она поведет дело к разводу со старым профессором, чтобы оттяпать у него изрядную долю имущества, нажитого задолго до их знакомства, но все разрешилось само собой. Василий Васильевич скоропостижно скончался, оставив молодую вдову на произвол судьбы и на съедение двум взрослым дочерям от первого брака и их семьям, которые, естественно, претендовали на наследство и терпеть не могли папочкину новую жену. Вероника оказалась не настолько крепкой и зубастой, чтобы достойно встретить вызов и вступить в борьбу с людьми, которые были и старше ее, и опытнее, и жестче. Она сдалась без боя, утешая себя тем, что все равно выйдет замуж за Штайнека и уедет отсюда к чертовой матери. Так и случилось. Узнав о том, что Вероника овдовела, австрийский бизнесмен чрезвычайно воодушевился, немедленно зарегистрировал брак с ней в Москве и через полгода, покончив со всеми формальностями, увез к себе в небольшой городок Гмунден, расположенный в живописнейшем месте, на берегу озера Траун, в предгорьях Альп.

Разочарования начались сразу же. Во-первых, не блистательная Вена и даже не Зальцбург (других австрийских городов малообразованная Вероника просто и не знала), а какой-то заштатный Гмунден. По жизни в России она твердо знала, что есть Москва и Питер, а все остальное – периферия, провинция, откуда в эти города ломятся лимитчики. Ей и в голову не приходило, что может быть и по-другому, что на Западе большие города отличаются от маленьких только размерами, а также шрифтом, которым их названия наносятся на географические карты. Уровень жизни и комфорта там всюду одинаков, плати деньги и получай, чего душа желает. Но к этой мысли нужно было еще привыкнуть, и первое время Веронику ужасно угнетало, что она покинула столицу, а оказалась чуть ли не в деревне.

Во-вторых, Штайнек оказался вовсе не крупным бизнесменом, а мелким служащим, мальчишкой на побегушках, которого посылали в Москву отнюдь не для ведения переговоров, а для выполнения разных поручений, не требующих высокой квалификации. Тут бы Веронике-то и задуматься, откуда же у ее новоиспеченного мужа столько денег, если он никакой не крупный воротила финансового мира. Но она не задумалась, ибо о жизни за границей знала мало и в основном хорошее: там все богатые и у всех все есть, денежные купюры растут на деревьях, а о благосостоянии каждого члена общества заботится государство, выплачивая пенсии и пособия по безработице, на которые вполне можно существовать, не бедствуя.

В-третьих, очень скоро выяснилось, что мода на русских жен, на волне которой Веронике и удалось подцепить своего Штайнека, имеет под собой весьма прочное основание. С одной стороны, русскую жену можно запереть дома, приставив к кухне и детской и ничего не давая взамен. Языка, как правило, они не знают, поэтому подружек не заводят, никуда не шлятся, никого в дом не зовут и вообще всего боятся. Права не качают, потому что в России у них никаких особенных прав и не было, а про то, какие у них права здесь, они и знать не знают. Голову им заморочить – раз плюнуть. Можно и домой не приходиться, и ночевать, где вздумается, и напиваться, и денег не давать, они все стерпят. Потому как что толку скандалить, когда деваться им некуда. Ну хлопнут дверью, ну уйдут, а дальше что? Папы-мамы нету, к подругам уходить здесь не принято, это вам не Россия, где обиженных жалеют да привечают, нет, здесь каждый кусок хлеба, каждая порция мяса, каждая таблетка аспирина на счету. Жить-то на что? Работать? Кем? Кому ихние российские дипломы нужны на Западе? Остается неквалифицированный труд, так и на такую работу очередь – студенты да школьники всегда рады подработать в свободное от учебы время. Помоем строптивая жена посуду в ночную смену, постирает чужое грязное белье в какой-нибудь захолустной гостинице, да и прибежит назад к мужу. Что ни говори, а Россия – страна отсталая, нецивилизованная, редко какой женщине удастся справиться с западными порядками, освоиться с ними и наладить свою жизнь так, как нужно.

Но, с другой стороны, Россия хоть и нецивилизованная страна, а все-таки европейская. И женщины в России красивые, с европейской внешностью. В постели с ними интересно, а на кухне – безопасно, что тоже немаловажно. Ведь много на свете отсталых стран, можно жену и из Кореи привезти, из Вьетнама, из Монголии, из Зимбабве какого-нибудь. Но поди знай, чем она тебя накормит, у них кулинарные традиции совсем другие, такое приготовит, что неделю будешь животом маяться и с горшка не слезать. Покорных и беспомощных жен-домработниц можно сейчас найти только в Азии и Африке, но уж больно они отличаются от европейцев и по культуре, и по традициям, и по быту. Нарвешься еще... Так что жена из России – вариант оптимальный. Будет сидеть тихо и не чирикать, денег на нее нужно мало, внимания особого тоже можно не уделять, все равно никуда не денется. А деток нарожает опять-таки с европейской внешностью, а не молочко-шоколадных и не с раскосыми глазками.

Совместная жизнь с мужем-австрийцем радовала Веронику ровно две недели, потом она оказалась одна в небольшом коттеджике наедине с весьма ограниченной суммой денег, на которую ей предстояло вести хозяйство всю ближайшую неделю. Вернер сказал, что будет давать ей деньги каждый понедельник и требовать письменного отчета за каждый истраченный шиллинг, так что пусть не забывает складывать чеки и записывать расходы. Кроме того, оказалось, что командировки у Штайнека бывают не только в Москву, поэтому отсутствовать он будет весьма часто и подолгу.

Первый скандал не заставил себя ждать. Вероника была дома одна, когда в дверь постучали. На пороге стоял приятный молодой человек с блокнотом в руках. Немецкого языка Вероника не знала, в школе учила с грехом пополам английский, с Вернером объяснялась на чудовищной смеси плохого английского и вполне приличного русского, которым владел муж, а из речи молодого человека она поняла, что речь идет об участии в уборке улицы. Она подумала, что это что-то вроде субботника, и с милой улыбкой отказалась. Молодой человек лучезарно

улыбнулся, что-то черкнул в своем блокнотике, отпустил комплимент по поводу ее красоты и удалился. А в конце недели Вернер ворвался на кухню с белым от ярости лицом, размахивая какой-то бумажкой.

– Тебе что, трудно было жопу оторвать и улицу подмести?! – орал он. – Из-за твоей лени я вынужден оплачивать еще и эти счета! Чтобы больше такого не было! Каждое утро – метлу в руки и на улицу.

Оказалось, что за чистоту тротуара владельцы домов, расположенных на улице, несут коллективную ответственность, и каждый домовладелец ежедневно должен убирать строго определенный участок перед своим домом. Если же домовладельцы по каким-то причинам не могут или не хотят этого делать, муниципальные власти организуют уборку улицы или ее части, но за работу государственных дворников выставляют счет тому хозяину, вокруг чьего дома было не убрано. Не хочешь улицу мести – не мети, никто тебя не заставляет. Но, поскольку улица должна быть чистой и опрятной, отчисляй в муниципальный бюджет денежки на оплату работы дворников. Не хочешь платить – мети. Все справедливо.

На следующий день, взяв в руки метлу и совок и собирая с тротуара чужие окурки и обертки от жевательной резинки, Вероника с недоумением подумала о том, что еще полгода назад она была профессорской женой. Это недоумение стало первым, пока еще небольшим шагом на пути к открытию неприятной истины, состоящей в том, что решение уехать со Штайнеком было ошибочным.

Но, как говорится, лиха беда начало. Первый-то шажок был маленьким и робким, а потом процесс постижения истины пошел просто-таки семимильными шагами. Финишный рывок на этом тернистом пути был совершен спустя еще полгода, когда Вернера арестовали за участие в контрабанде оружия из стран Латинской Америки в Россию и посадили, всерьез и надолго. Причем настолько всерьез, что конфисковали практически все, что лежало на его счетах. И Вероника Штайнек осталась одна. Ну, не совсем одна, конечно, с коттеджем, мебелью и машиной.

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, она поняла, что выхода у нее только два. Или возвращаться в Россию, или приноравливаться к здешней жизни. От Гмундена до Вены больше двухсот километров, не наездишься в посольство-то, на одном бензине разоришься. Одну попытку Вероника все-таки сделала, но ей популярно разъяснили, что жену преступника, осужденного за контрабанду оружия в Россию, вряд ли примут в этой самой России с распростертыми объятиями. На получение разрешения на въезд придется потратить много сил и времени. А также денег.

Времени у Вероники было много, а вот с силами и деньгами дело обстояло хуже. Надо было идти работать, чтобы не сдохнуть с голоду. Она вспомнила о своем дипломе медсестры и отправилась в расположенную на берегу озера клинику, специализирующуюся на лечении легочных заболеваний у детей.

– Вы имеете опыт работы с детьми? – спросили у нее в клинике.

– Нет.

– Вы имеете опыт работы с легочными больными?

– Нет.

– Может быть, вы имеете опыт работы в операционных при проведении операций на легких?

– Нет...

– Тогда на что же вы рассчитывали, придя сюда?

– Я подумала, что, может быть, лечебная физкультура... – пробормотала Вероника упавшим голосом.

– Ваш диплом инструктора лечебной физкультуры для нас пустое место. Мы могли бы предложить вам работу воспитателя, но у вас нет опыта работы с детьми. Кроме того, ваш

немецкий пока еще очень плох, так что о воспитательной работе и не мечтайте. Легочных болезней вы не знаете, так что медсестрой в нашей клинике быть не можете. Единственное, что мы могли бы вам предложить, это работу уборщицы-санитарки. Здесь знание языка не обязательно и диплом не требуется.

Санитарка! Горшки выносить. Полы мыть. Грязное белье собирать. Боже мой, всего какой-нибудь год назад она была женой профессора, известного ученого, лауреата и почетного академика! Как же это ее так угораздило?

Ну что ж, решила Вероника Штайнек-Лебедева, раз угораздило, надо выбираться. Помощи ждать неоткуда, придется своими силами.

На работу санитарки она согласилась. Зарплата была крошечной, работа изматывающей, но во всем этом был один большой плюс. Персоналу, работающему по скользящему графику, предоставлялось служебное жилье – на территории клиники было построено отдельное пятиэтажное здание с небольшими, но удобными и уютными квартирками. Плата за эти квартирки была умеренная, тем более что большинство медсестер, воспитательниц и санитарок жили в них по двое, по трое. Администрация клиники справедливо полагала, что нельзя требовать от младшего медперсонала, чтобы у каждого была машина, а коль добираться на работу и с работы надо своим ходом, то при скользящем графике неизменно будут возникать проблемы со сменщиками. Как бы ни разбивать сутки на три смены, все равно кому-то придется приходить и уходить в вечернее и ночное время. Мало ли что может случиться с женщиной, добирющейся ночью на такси или пешком. Да и опоздания в таких случаях неизбежны. Поэтому пусть все желающие живут рядом с клиникой на охраняемой территории. А уж кто не желает, с того и спрос другой. Пусть попробует опоздать хоть на полминуты.

Вероника перевезла в служебную квартиру свои вещи, а дом сдала в аренду. Не бог весть какие деньги, конечно, но все-таки. Она собиралась тратить только часть этих денег, остальные решила откладывать и начать понемногу строить собственную жизнь в этой чужой стране. О том, чтобы ждать освобождения Вернера из тюрьмы, она и не думала. На нем был поставлен большой жирный крест. Оформлением развода Вероника не занималась по единственной причине – это требовало денег.

Два месяца назад ее разыскал какой-то тип, представившийся Николаем Первушиным. Ему нужны были бумаги ее покойного мужа Василия Васильевича Лебедева, которые Вероника вывезла из России единственно из вредности, чтобы не достались прожорливым дочерям. Ей самой эти бумаги тоже не были нужны, она даже не достала их из ящика, в котором перевозила свой багаж. Вот она, волшебная жар-птица, радостно подумала Вероника. Раз затратил столько труда, чтобы найти ее, раз приперся в далекий Гмунден за этими бумагами, значит, заплатит столько, сколько она скажет. Она потребовала миллион долларов. И непременно наличными.

– Вы хотя бы отдаленно представляете себе, о чем говорите? – недоуменно спросил ее Первушин. – Самая крупная купюра – сто долларов, в пачке сто купюр, это десять тысяч. Миллион – это сто вот таких пачек. Вы хоть понимаете, сколько места это занимает?

– Все равно. – Она упрямо покачала головой. – Мне нужны наличные.

– Почему? Ну зачем они вам? Куда вы их денете? Их же нужно спрятать, иначе они будут бросаться в глаза всем и каждому. Да вас обворуют в первые же сутки.

– Не обворуют. Или вы платите наличными, или не получите архив мужа.

– Поймите же, – настаивал Первушин, – речь не идет о том, что вы просите слишком много, вы назначаете свою цену, и мы с ней согласны. Вы получите свой миллион. Но наличными?! Ведь это невероятно усложняет задачу для нас. Разве можно вывезти из России такую сумму? Если вы хотите проблем для себя – это ваше дело. Пусть вас ограбят, пусть даже вас убьют, раз вам на это наплевать. Но, выдвигая требование получить наличные, вы рискуете тем, что нас задержат на таможне и отберут деньги. Тогда уж вы точно ничего не получите. Вы этого хотите?

– Я вам ясно сказала: я хочу получить миллион долларов наличными и сама, своими руками положить их в банк. Только тогда я буду спокойна.

– Я не понимаю, – разводил руками Первушин. – Какая вам разница, кто положит эти деньги в банк, вы лично или кто-то другой просто перечислит их на ваш счет. Ну объясните мне, дураку, какая разница, и может быть, я соглашусь с тем, что ваше требование справедливо.

– Я никому не верю, – сказала ему Вероника. – Где гарантии, что вы меня не обманете? Я вас вижу второй раз в жизни, я ничего о вас не знаю. Почему я должна вам верить? Вы покажете мне какую-то бумажку, в которой будет что-то написано по-немецки, и скажете мне, что это – свидетельство того, что вы перечислили деньги на мой счет. А на самом деле это окажется уведомлением с телефонной станции, что у вас просрочена оплата. И я как дура попрусь с этой бумажонкой в банк, а меня там на смех поднимут. Я даже не пойму, чего они мне там объяснять будут.

– Так вы что же, совсем языка не знаете? – изумился Первушин. – Как же вы обходитесь?

– Ну, объясняться-то я могу, – ответила она, ничуть не смутившись. Она вообще быстро разучилась смущаться, когда поняла, что из respectable жены видного ученого превратилась в низкооплачиваемую санитарку, да к тому же жену преступника. – Так, на бытовом уровне, для работы и магазинов хватает. Но все на слух. Читать не могу, не понимаю ничего.

– Так учите. Купите учебники и учите язык. Нельзя же жить в стране и не говорить на ее языке. Вас действительно кто угодно вокруг пальца обведет, – посоветовал Николай.

– Пробовала, – призналась она. – По учебнику не получается, у меня способностей нет к языкам, это мне еще школьные учителя говорили. А нанять преподавателя – дорого. Не могу себе позволить. Пока. А потом видно будет. Так что, Коля-Николай, вы сами видите, что выбора у нас с вами нет. Я возьму только наличные. Более того, у меня есть дополнительное условие. Вы совершенно правы, держать такую сумму у себя опасно и сложно. Кроме того, вы можете ведь и «куклу» мне подсунуть, и фальшивые купюры, которые я не могу отличить от настоящих. А где я вас потом искать буду, если окажется, что с деньгами что-то не так? Поэтому мы с вами сделаем таким образом. Вы привозите деньги, мы с вами садимся в машину и едем в банки. Заезжаем в банк, открываем счет, кладем наличные, кассир проверяет каждую купюру, у него специальная машинка стоит. И так несколько раз, пока не пристроим всю сумму. В последнем банке вы получаете бумаги. Они к тому времени будут лежать там в сейфе.

– Что ж, разумно, – не мог не согласиться Первушин. – Теперь поговорим о моих гарантиях. Как я могу быть уверен, что вы отдадите мне все бумаги вашего мужа, а не изымите из них как раз то, ради чего мы и покупаем у вас весь этот хлам? Архив, насколько я понимаю, огромный, в нем десятки папок. Не хотите ли вы сказать, что в последнем банке мы с вами усядемся рядышком и начнем внимательно читать все подряд? И потом, если окажется, что нужные нам бумаги куда-то исчезли, что мы будем делать? Деньги-то, целый миллион, уже лежат на ваших счетах, вы спокойненько посылаете меня куда-нибудь в район мужских гени-талей и говорите, что знать ничего не знаете. За что уплачено, то и получено.

– Тоже верно.

Наконец Вероника позволила себе улыбнуться. Этот Первушин ей жутко нравился. Он был словно ожившая картинка «женского любовного романа» – точная копия героев-любовников. Когда ей попадались в книгах такие описания, Вероника каждый раз думала, что это плод фантазии писателя, потому что мужиков с такой внешностью просто не бывает. Высокий, хорошо сложенный, с черными волосами, точеными чертами лица и огромными светло-синими глазами, не темно-голубыми, что бывает достаточно часто, а именно светло-синими. Такой цвет Вероника видела только на экране компьютера, когда чуть-чуть притушишь яркость. И разрез этих синих глаз был удлинненным и необыкновенно красивым.

– Можно сделать вот как. Вы сейчас сядете и просмотрите весь архив. Все листы, которые представляют для вас ценность, вы пронумеруете и поставите свою подпись. Мы отложим их

в отдельную папку. Тогда на последнем этапе все будет проще. Вы откроете папку, проверите нумерацию листов и свою подпись, и все.

– Нет, не все, – возразил Николай. – Мы кладем деньги на ваши счета, а на последнем этапе оказывается, что в папке лежат не все листы, которые я пометил. Нумерация меня не спасет. Просто некоторых листов не окажется. А вы будете мне говорить, что папку не открывали и ничего из нее не вынимали. И как бы я на этом этапе ни кочевряжился, сделать уже ничего нельзя будет. Деньги ушли к вам. Как тогда мы поступим?

– Ну хорошо, – сдалась Вероника. – Я не буду класть папку в банковский сейф. Я сразу возьму ее с собой, вы проверите листы, и только после этого мы поедем в банки. Но папка останется у меня до тех пор, пока мы не положим все деньги.

На том и порешили. По договоренности с жильцами, арендующими ее домик, архив хранился в подвале, потому что больше его девать было некуда. Вместе с Первушиным они съездили за папками и отвезли их в ее служебную квартиру. К счастью, девушка, с которой Вероника делила квартиру, была на дежурстве. Они втащили большую картонную коробку с папками в ее комнату, Вероника пошла на кухню варить кофе, а Николай уселся на полу, разложив вокруг себя бумаги. В комнате не было большого стола, а маленький столик, стоявший у изголовья дивана, годился только для того, чтобы поставить на него чашку или положить книгу. По привезенной из России привычке ела Вероника на кухне.

Пока на плите грелась вода, она успела зайти в ванную, умыться и переодеться в нечто соблазнительно распахивающееся при каждом движении. Впервые за последний год, прошедший с момента ареста мужа, она почувствовала, что хочет мужчину, хочет совершенно безрассудно, иррационально, не какого-то конкретного, который бы ей нравился, а мужчину вообще. Любого. Хоть первого встречного. Такое сильное неперсонифицированное желание у нее возникло раньше только тогда, когда она смотрела по видею «жесткое порно». На самом деле Вероника понимала, что хочет она именно этого синеглазого красавчика Николая Первушина, но, поскольку у нее целый год не было мужчины, из-за Николая она «завелась» так круто, что теперь ей уже все равно, с кем лечь в постель, лишь бы с кем-нибудь.

Она критически осмотрела себя в большом зеркале, висящем в прихожей. Год изнуряющей работы и постоянного недоедания сказался на ее внешности не самым лучшим образом, добавив морщинок и поубавив блеска в глазах. Но все равно она была еще в большом порядке в свои тридцать два года. Слава богу, даже самая тяжелая жизнь не делает ноги короче, они по-прежнему, что называется, росли из плеч. Правда, грудь начала немного обвисать...

Очень удачно, что Николай сидел на полу. Он оказался нормальным мужиком, чутко реагирующим на красивую женщину, которой он к тому же нравится. Но поведение его показалось Веронике немного странным. Он потянул ее за руку, усадил рядом с собой на пол, обнял за плечи и начал поглаживать одной рукой, другой перебирая бумаги и делая на них пометки в углу страниц. Одним словом, как бы говорил: детка, я ценю твой порыв, и ты мне тоже очень нравишься, но дело – в первую очередь. Вероника собралась было обидеться, но потом вспомнила, что речь идет все-таки о миллионе долларов. Ну надо же, как ее забрало, так захотелось трахаться, что даже про деньги забыла. Сумма оказалась достаточно большой, чтобы Вероника пришла в себя, сбросив похотливую одурь. Она встала и пересела на диван, поставив на столик чашечку с кофе. Устроившись поудобнее и подложив под спину маленькие подушечки, она пила кофе и исподтишка разглядывала Николая. Нет, что ни говори, а он дьявольски красив. Хорошо бы, конечно, уложить его, но, наверное, не стоит увлекаться, когда речь идет о миллионе. Еще начнет торговаться потом, попросит снизить цену: раз они стали любовниками, то вроде как сделались «своими».

Николай долго читал бумаги Василия Васильевича, и Вероника не заметила, как задремала: минувшую ночь она работала и поспать после этого не успела. Наконец он аккуратно сложил все папки, завязал шелковые шнурочки и встал.

– Вот, я отобрал триста с небольшим страниц, это то, что нам нужно. Я их пронумеровал и расписался на каждой странице. У тебя есть пустая папка?

Вероника молча кивнула и принесла папку.

– Спрячь подальше и никому не показывай, – попросил он на прощание. – Не дай бог, пропадет хоть одна страница – денег не получишь. Материал имеет ценность только весь целиком.

Только сейчас она обратила внимание на то, что он перешел на «ты». Что бы это значило? Готовность откликнуться? Или она своим поведением, тем, что ясно заявила о своем желании, сразу перевела себя из разряда достойных уважения дам в разряд дешевых и доступных девиц?

– Хотите еще кофе? – спросила она подчеркнуто вежливо.

– Нет, благодарю. Знаешь, Вероника, ты очень красивая женщина, и, если ты позволишь, мы вернемся к этому разговору после того, как покончим с делами. Я вернусь домой, доложу своим компаньонам о твоих условиях, потом сообщу тебе об их решении. Если они согласятся заплатить тебе столько, сколько ты просишь, я приеду для окончательного завершения сделки. И тогда мы поговорим еще об одной чашечке кофе. Хорошо?

– Хорошо.

Она постаралась улыбнуться, но почувствовала, как в уголках глаз закипели слезы. Вероника даже удивилась такой реакции. Почему ей хочется плакать, глядя в эти невероятные синие миндалевидные глаза, которые словно сошли с иконы? Почему ей хочется плакать при мысли о том, что эти гладкие руки с длинными пальцами не будут ее обнимать? Неужели это из-за того, что она целый год одна? Безобразие, подумала она, работа работой, но и о себе подумать надо. Немедленно заведет кого-нибудь. Хотя кого ей заводить? Младший медперсонал может рассчитывать только на санитаров, электриков и сантехников, работающих в клинике, ну еще на садовников и механиков из гаража. Надо повнимательнее присмотреться к этому контингенту, может, удастся найти что-нибудь не очень отвратительное и необременительное для употребления в оздоровительных целях не чаще двух раз в неделю.

Закрыв дверь за Первушиным, она вернулась в свою комнату, судорожно сглотнула и уже собралась было дать себе волю и расплакаться, как снова вспомнила о деньгах. Вероника усеелась на диван, взяла со столика зеркальце и стала внимательно всматриваться в свое отражение, повторяя про себя: «Скоро я буду богатой. Скоро кончится эта дурацкая клиника, и эта дурацкая работа, и эта дурацкая квартира, и эта идиотка-соседка. Я смогу забыть все это, как кошмарный сон. Я начну все сначала. Я оформлю развод с Вернером, куплю себе небольшой уютный домик, найму учителя, выучу этот проклятый немецкий и буду жить как все. Может быть, еще смогу выйти замуж, на этот раз более удачно. Только бы все получилось, только бы не сорвалось».

Прошло два месяца, которые показались Веронике двадцатью годами. За эти два месяца Николай еще два раза приезжал, чтобы уточнить кое-какие детали сделки. И оба раза он проникновенно глядел на Веронику и напоминал о чашечке кофе, которую они оба отложили «на потом». К этому времени Вероника уже перегорела, найдя утешение в объятиях симпатичного веснушчатого электрика, который оказался как раз таким, как ей хотелось, – не отвратительным и не обременительным. Она уже не умирала, глядя в светло-синие глаза Первушина, но мысль о том, что она ему небезразлична и он помнит об отложенной чашечке кофе, ее грела. Когда все будет закончено, она с большим удовольствием выпьет с ним вместе этот чертов кофе. Уж тут-то она покажет ему класс! Уж в чем, в чем, а в изысканном сексе она была великая мастерица и усталости не знала. Большую и добротную школу прошла она под чутким руководством профессора Лебедева, что и говорить, не смотрите, что старый был, вроде другое поколение. Знатоки и любители во все времена были, и поколение тут ни при чем. Калигула вон аж когда жил...

Наконец все утряслось. Николай приехал в Австрию в третий раз и позвонил ей из Вены. Поскольку в крошечном Гмундене негде было разместить миллион долларов, чтобы это не бросалось в глаза, решили операцию провести в Вене. Но поскольку ни Николай, ни Вероника города не знали достаточно хорошо, чтобы легко в нем ориентироваться, то место встречи Николай предложил назначить там, где невозможно заблудиться. Договорились, что Вероника выберется на автостраду, соединяющую Зальцбург и Вену, доедет по ней до Амштеттена, дальше до поворота на Визельбург, свернет и остановится у первого же кафе. Судя по карте, сказал Николай, кафе стоит в полутора километрах после поворота. Встречу назначили на восемь утра: от Визельбурга до Вены не меньше полутора часов езды даже на хорошей машине, а ведь им предстоит посетить десяток банков.

Накануне зарядил дождь, да не мелкий, а самый настоящий проливной. Дождь всегда наводил на Веронику тоску, вгонял ее в уныние. Она всегда любила простые понятные радости – хорошую еду, красивую одежду, солнечную погоду, веселую кинокомедию. Ночь она провела без сна, думая о том, как переменится завтра вся ее жизнь. Завтра в это же время она уже будет богата.

В шесть утра она вскочила бодрая и полная сил, и снова к ней вернулась мысль о чашечке кофе в компании с синеглазым Первушиным. Она решила одеться соответственно. С одной стороны, в банке она должна выглядеть так, как и должна выглядеть состоятельная дама, через руки которой проходят большие суммы наличными. Актриса или писательница, получающая гонорары. Деловая женщина. Дорогая содержанка, получающая подарки. Или еще что-нибудь в таком же роде. С другой стороны, она должна безусловно понравиться Первушину. Сегодня вечером, когда она станет богатой и независимой, она устроит себе праздник в компании с мужчиной, о постели с которым она с удовольствием думает вот уже два месяца.

Надев длинную узкую юбку и такой же топик из темно-синего шелка, Вероника накинула сверху облегающий пиджак из ткани с сине-бежево-розовыми цветами. Получилось очень элегантно. Серебряные браслеты и цепочки хорошо гармонировали с темно-синим шелком, а бежевые туфли оказались как раз в тон бежевым цветам. Одним словом, она осталась довольна собой.

Выйдя из подъезда, она раскрыла зонт и побежала к своей машине. Дождь лил еще сильнее, чем вчера, небо заволокло, и не было видно ни малейшего просвета. Бросив сумочку на пассажирское место, Вероника повернула ключ зажигания. Никакой реакции. Машина чихнула и смолкла. Вероника даже не обратила внимания на эту глупость: мало ли случаев, когда совершенно исправный автомобиль не заводится с первого раза. И даже со второго. Она спокойно повторила попытку. Снова ничего. И в третий раз. И в пятый... Минуты шли, а она так и не отъехала от своего дома, хотя по предварительным расчетам должна уже была выезжать на автостраду Зальцбург – Вена. Вероника снова и снова поворачивала ключ и в отчаянии думала о том, что ничего не понимает в устройстве автомобиля. Единственное, что она может, это нажать на рычажок и открыть капот. Но что делать дальше, она не имеет ни малейшего представления.

Мелькнувшую было мысль взять такси она отвергла сразу. Она слишком долго думала о том, как будет класть деньги в банки, и понимала, что ни за что не сядет в машину, в которой лежит миллион долларов наличными. Эта машина уже заранее казалась ей начиненной взрывчаткой. Конечно, она планировала, что они будут ехать на двух машинах: она – на своей, Первушин – на своей. Охрана денег и их перевозка – его задача, его проблема. И если что-то случится в пути, то пусть случится с ним, а не с ней. Если ехать в Визельбург на такси, то придется или отпускать водителя и пересаживаться в машину к Первушину, или брать такси до Вены, ездить на нем целый день по городу и потом возвращаться в Гмунден. Во-первых, это очень дорого, у нее нет таких денег, а тот миллион, который уже сегодня будет положен на ее имя, предназначен вовсе не для таких трат. Во-вторых, это опасно. Водителю ничто не помешает

подсмотреть в окно, чем они с Первушиным будут заниматься в десяти разных банках, и кто знает, как он себя поведет на обратном пути. Ведь будет уже вечер... Конечно, есть надежда, что Николай проведет этот вечер с ней вместе, и даже ночь, но все равно завтра придется возвращаться в Гмунден. Маловероятно, что Николай ее отвезет, ему нужно будет срочно возвращаться в Москву, везти документы. Нет, Вероника Штайнек-Лебедева знала совершенно точно, что лучше всего было бы ехать на своей машине и ни от кого не зависеть. Но со своей машиной явно не получалось. Значит, придется ловить такси. «Черт с ним! – сердито подумала Вероника. – Доеду до Визельбурга и отпущу машину. Из Визельбурга до Вены доеду с Николаем, а там посмотрим. Сейчас главное – скорее добраться, я и так уже опаздываю. А вдруг он меня не дожидается, решит, что я передумала, и уедет? Это означает, что сделка откладывается снова на неопределенное время. А я не могу больше ждать. Вчера после дежурства я сняла халат и сказала себе, что больше никогда, никогда, никогда не прикаснусь к нему. Я больше никогда не возьму в руки горшок с вонючим дерьмом. Я больше никогда не буду возиться с чужими обоссанными простынями. Господи, я так радовалась! Я не смогу снова...»

Она выскочила из машины и побежала через парк, на территории которого была расположена клиника, в сторону шоссе в надежде поймать такси. Умом она понимала, что в половине седьмого утра в субботу, когда на улице проливной дождь, это нереально. Но все равно надеялась.

Прошло еще пятнадцать минут, а она так и не двинулась в сторону Визельбурга. Улица была пустынная и заполнена, казалось, одним только дождем. Даже воздуха не было, кругом один дождь...

Внезапно она услышала шум мотора у себя за спиной. Вероника обернулась и увидела темно-бордовую «Ауди», выползающую из ворот клиники. Машина притормозила возле нее. Вероника наклонилась, заглянула в салон и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы облегчения. Это была фрау Кнепке, пятилетний сын которой лечился в клинике. Сейчас он забился в уголок на заднем сиденье, и его темные глазенки восторженно поблескивали, словно в предвкушении настоящего приключения. Радость же Вероники была вызвана тем, что фрау Лилиана Кнепке была русской. И слава богу, ей можно было все объяснить и обо всем договориться.

Фрау Кнепке тоже узнала санитарку, потому что приветливо улыбнулась и открыла дверь.

– Садитесь. Вам куда?

– Мне хотя бы до Визельбурга, если вам по пути.

– Что значит «хотя бы»? – вскинула красиво очерченные брови Лилиана. – А на самом деле вам куда?

– На самом деле в Вену, но в Визельбурге я должна встретиться с одним человеком. Мне неловко вас затруднять...

– Глупости, – весело прервала ее Лилиана. – Здесь, в Гмундене, кроме вас, по-русски не с кем поговорить. В Вене с этим проще, у меня большой круг знакомых из числа наших эмигрантов, а в Гмундене вы, наверное, единственная русская. Так что если мой приход к сыну не совпадает с вашим дежурством, то я так и лопочу весь день по-немецки. Устаю ужасно, все-таки неродной язык очень утомляет, правда? Пока не привыкнешь, конечно. В котором часу у вас назначена встреча в Визельбурге?

– В восемь.

– Хорошо. Если этот человек уже ждет и если ваша встреча с ним ненадолго, я доведу вас до Вены. Вы уж извините, задерживаться я не могу. У нас с Филиппом сегодня о-о-очень ответственное мероприятие, да, Филипп?

– У меня сегодня день рождения! – гордо сообщил малыш, вставая на заднем сиденье на колени и начиная подпрыгивать. – Мама получила разрешение забрать меня из клиники

и отвезти домой на целых два дня! Мы будем вместе с папой, маленькой Анни и Большим Фредом справлять мой день рождения.

– Анни – наша младшая дочь, – с улыбкой пояснила Лилиана, – а Большой Фред – наша собака, черный терьер. Он действительно большой. Мы хотели ехать вчера вечером, но из-за дождя решили подождать до утра, думали, ливень прекратится. Знаете, на ночь глядя ехать по мокрому шоссе как-то боязно. Утром все-таки светло, даже если дождь и не кончится. Филипп проснулся в начале седьмого и больше не захотел ждать ни минуты. По отцу соскучился, по сестренке, по собаке, вообще по дому. Он ведь уже полгода лежит в клинике, конечно, ему все надоело.

Вероника знала, что Лилиана проводит в Гмундене очень много времени. Она сняла здесь коттедж и жила по две-три недели подряд, потом уезжала на неделю в Вену и снова возвращалась на две-три недели. Сама Вероника мечтала как раз о таком браке, как у Лилианы Кнепке: богатый респектабельный муж, еще не старый и довольно привлекательный, двое детишек, собственный особняк в Вене. Ну почему одним все, а другим ничего?

Они продолжали болтать, и постепенно Вероника почувствовала, как в ней начинает закипать злобная завистливая ненависть к этой холеной сытой удачливой эмигрантке, олицетворяющей собой все то, к чему стремилась сама Вероника и чего ей так и не досталось. «Ну почему? – думала она, искоса поглядывая на уверенно ведущую машину Лилиану Кнепке. – Почему ей это удалось, а мне нет? Разве она красивее меня? Нет, у меня фактура намного качественнее. Почему же ей так повезло, а меня жизнь возит мордой о грязный стол? Может, дело не в том, какая она и какая я, а в том, где и как искать мужа?»

– Простите, фрау Кнепке... – начала было Вероника.

– Да ты с ума сошла! – расхохоталась Лилиана. – Какая я тебе фрау Кнепке? Давай на «ты» и зови меня просто Лилей. Что ты хотела сказать?

– Я хотела спросить, где ты познакомилась со своим мужем.

– Меня с ним познакомили, – ответила Лилиана, не отрывая взгляда от залитого водой шоссе. – А почему ты спросила?

– Просто интересно. А где вас познакомили?

– Господи, Вера, ну какое это имеет значение! – раздраженно откликнулась Лилиана.

Вероника поняла, что она не хочет обсуждать это при сыне. Значит, это была не премьеры спектакля в престижном театре и не вернисаж модного художника, а что-то такое, о чем неприлично говорить в присутствии детей. Очень интересно. Лилиана Кнепке, уж не валютная ли ты проститутка в прошлом?

В любом случае с ней нужно подружиться. Конечно, она сказала, что в Вене у нее большой круг знакомых, в том числе и русских, так что в обществе Вероники фрау Кнепке не больно-то нуждается. Но вот в Гмундене, где, кроме Вероники, русских больше нет и где Лилиане придется провести еще немало времени... Это шанс прорваться в ту сферу, о которой мечтает Вероника. Может быть, со временем ее станут приглашать в дом к Кнепке, когда у них будут большие приемы, и там, как знать, быть может, ее познакомят с тем, на кого можно будет делать ставку. К этому времени она будет богата и независима и больше не попадет в такую ловушку, в какую она угодила с веселым контрабандистом Штайнеком.

– Поворот на Визельбург, – сказала Лилиана. – Прямо или поворачиваем?

– Поворачиваем. Километра через полтора должно быть придорожное кафе, там меня будут ждать.

Судя по счетчику, после поворота они проехали уже три километра, а никакого кафе и в помине не было. Не было вообще ничего, кроме леса по обеим сторонам дороги.

– Ну, где твое кафе? – спросила Лилиана. – Ты точно знаешь, что оно должно быть?

– Я не знаю, – растерянно ответила Вероника. – Человек, с которым я договаривалась, смотрел по карте и сказал, что на карте оно обозначено.

– Может, мы не там свернули?

Лилиана остановила машину и вытащила из-под приборной доски карту.

– Смотри, поворот на Визельбург только один, предыдущий поворот направо был на Шейбс, а следующий только через двенадцать километров, на Лиленфилд. Ничего перепутать мы не могли.

– Я не знаю, – упавшим голосом повторила Вероника, чувствуя, как рушится все, о чем она мечтала. Идиотка, она что-то забыла, что-то не так запомнила, перепутала какое-то название! Дура, кретинка!

– Ладно, проедем еще немного вперед, – вздохнула Лилиана.

Но буквально через двести метров Вероника радостно подпрыгнула.

– Вот он! Он меня ждет. Наверное, на его карте была какая-то ошибка или ему кто-то неправильно сказал, что здесь есть кафе. Слава богу!

Впереди стоял джип, а рядом с ним Вероника увидела Первушина, который преспокойно прогуливался взад и вперед, поджидая ее. Он был в длинном дождевике с капюшоном, и дождь ему был не страшен.

– Останови, пожалуйста, – попросила Вероника. – Я скажу ему буквально два слова, и поедем в Вену.

Лилиана остановила машину, блаженно потянулась и закурила, выпуская дым в открытую дверь. Вероника выскочила из машины, держа в одной руке папку с отобранными Первушиным материалами, а в другой – раскрытый зонтик.

– Привет! – взбудораженно сказала она. – Ты меня напугал этим несуществующим кафе. Я уж подумала, что неправильно поняла тебя.

– Да я и сам испугался, – ответил Николай, забирая у нее папку. – Потом сообразил, что рано или поздно ты все равно по этой дороге проедешь, и решил ждать.

Он открыл дверь джипа и протянул руку с папкой внутрь.

– Проверь, пожалуйста, – сказал он кому-то, кого Вероника не видела.

Она попыталась заглянуть внутрь, но Первушин быстро захлопнул дверь, а через тонированные стекла Вероника ничего разглядеть не смогла.

– Ты опоздала, – произнес он как-то равнодушно, без упрека и без раздражения.

– У меня машина не завелась, – стала оправдываться Вероника. – Представь, время – седьмой час утра, суббота, проливной дождь, ни одной живой души кругом. Хорошо, Лилиана в это время ехала, она меня подвезет до Вены, а там я возьму такси.

Она ожидала, что сейчас Николай удивится, почему она не хочет ехать с ним при такой ситуации, и уже начала придумывать аргументы, которые должны будут убедить его в том, что ей просто необходимо доехать до Вены с Лилианой Кнепке, но он ничего не спросил, принял ее информацию к сведению и все.

– А кто там у тебя? – спросила она, не сумев справиться с любопытством.

– Помощник, – коротко ответил Николай. – Ты же не думаешь, что я оставлю миллион долларов в машине без надежной охраны.

– А-а, – понимающе протянула Вероника.

В этот момент стекло с их стороны опустилось и женский голос сказал:

– Триста двенадцать страниц. Порядок?

– Порядок, – откликнулся Первушин.

«Ничего себе помощник, – с обидой подумала Вероника. – Баба какая-то. А я-то, дура, надеялась, что вечер мы проведем вместе. Зря старалась. Он обо мне и думать забыл. Вот сукин сын!»

– Я могу взглянуть на деньги? – спросила Вероника металлическим голосом, всем своим видом показывая, что ни о каком доверии между ними и речи быть не может.

– Конечно.

Он распахнул заднюю дверь и взял лежащий на сиденье кейс.

– Вот твои деньги.

– Покажи.

Он послушно открыл замки, и внутри Вероника не увидела ничего, кроме множества каких-то документов.

– Я не поняла, – медленно сказала она. – Мы же договаривались о наличных. Надуть меня хочешь?

– Это и будут наличные, – терпеливо объяснил Николай. – Я не сумасшедший, чтобы возить в незащищенном автомобиле сто пачек по десять тысяч долларов. Может быть, тебе, дура непроходимой, это кажется нормальным, потому что ты в жизни не заработала ни одной тысячи долларов и для тебя вообще нет разницы, пять долларов или пять миллионов. А я очень хорошо понимаю, что, случись что-нибудь с машиной или с этими деньгами, меня убьют, если я их не верну в течение месяца. В каждом банке, куда мы с тобой приедем, я буду получать по этим документам наличные, а ты в соседнем окошечке будешь класть их на свое имя. Понятно?

Она почти ничего не поняла, потому что «дура непроходимая» больно резанула ухо и усилила раздражение, возникшее оттого, что в машине оказалась женщина. А она так мечтала...

– Понятно, – ответила она машинально. – Давай сюда папку.

Николай выпростал руку из-под полы дождевика, и Вероника не сразу поняла, что здесь что-то не так. Рука не потянулась к открытому окошку, за которым сидела невидимая Веронике женщина, чтобы взять у нее папку с материалами Лебедева. И вообще рука была какой-то другой формы. В следующее мгновение Вероника Штайнек-Лебедева поняла, что в руке у Николая пистолет. Она даже не успела додумать эту мысль до конца. Край исчезающего сознания еще успел зацепить непонятный, но страшный звук. Это дико кричала Лилиана Кнепке.

Глава 3

Николай Саприн, он же Николай Первушин в соответствии с липовыми документами, которые он предъявлял Веронике Штайнек, молча вел машину, напряженно ожидая, когда Тамара хоть что-нибудь произнесет. Но она молчала, как воды в рот набрала. Почему она молчит? Так испугалась, что языком пошевелить не может? Ведь она должна была испугаться, не могла не испугаться, потому что речь шла только о том, что они заберут папку и проедутся по десятку банковских учреждений. Только об этом шла речь, а вовсе не о том, что, забрав папку, он убьет Веронику Штайнек-Лебедеву.

Почти полгода потратил Саприн на эту проклятую папку. Сначала искал Веронику по всей Австрии, потом уговаривал ее, утрясал всякие мелочи то с ней, то в Москве с Дусиком. Намаялся. И зачем все это в конечном итоге, когда в последний момент Дусик дал команду денег Веронике не отдавать, забрать папку и покончить с этим делом? Саприн был обижен на Дусика, на весь мир и на самого себя. Он заслуженно считался мастером деликатных поручений, связанных с необходимостью найти держателя каких-нибудь документов и аккуратно эти документы выкупить, договориться о гарантиях и цене, да так, что обе стороны оставались довольны. Никогда у него не было значительных проколов. Даже в тех случаях, когда искомые документы носили специфический характер и содержали информацию, понятную только специалистам, Николай не жалел времени на то, чтобы получить тщательный инструктаж, вникнуть в детали и потренироваться в «распознавании» текста. Ни разу он не ошибся, не привез туфту вместо важных бумаг.

А вот теперь его использовали в такой грубой операции... Все равно что электронным микрокалькулятором гвозди забивать. Противно. А главное, возникло неожиданное осложнение. Вероника приехала не одна, и пришлось, кроме нее, убивать еще и женщину с маленьким ребенком. Если бы дело было в одной только Веронике, можно было бы вообще не беспокоиться. Кто будет надрываться ради эмигрантки-санитарки? Никто. Надрываться будут ради связей ее мужа-контрабандиста, начнут искать в этом направлении, ничего, естественно, не найдут, на том и успокоятся. А эта женщина с ребенком в машине – кто она? Саприн залез, конечно, в ее сумочку, водительским удостоверением поинтересовался. Лилиана Кнепке. Черт ее знает, кто она такая. Может статься, ее семья поднимет шорох, возьмет полицию за горло, дескать, найдите нам во что бы то ни стало убийцу нашей дорогой Лилианы. В этом случае искать будут по линии Кнепке, считая Веронику Штайнек случайной жертвой. Тоже ничего не найдут. Но почему молчит Тамара? Что она себе думает?

* * *

Стюардесса уже второй раз разносила напитки, но Тамара упорно делала вид, что спит, хотя пить очень хотелось. Она полулежала в удобном кресле, закрыв глаза и отвернув лицо к иллюминатору. Пока носят напитки, Николай не станет ее будить, но минут через двадцать дело дойдет до ужина, и тут уж он наверняка ее разбудит. А она так и не решила, как себя вести. С момента убийства прошло двенадцать часов, все это время ей как-то удавалось избегать объяснений с Саприным, но это не может тянуться до бесконечности. Рано или поздно она должна будет обозначить свое отношение к случившемуся. И тем самым определить свою судьбу на ближайшее время, а может быть, и на всю оставшуюся жизнь. Ибо показать, что ты испугана и негодуешь, – заставить Саприна думать, что ты опасна и можешь заложить. Делать вид, что все нормально, что так и должно быть и ничего сверхъестественного не случилось, – заработать репутацию хладнокровной циничной пособницы и тем самым позволить втянуть

себя в еще более грязные авантюры. Ведь на ее глазах только что застрелили двух женщин и ребенка. Если уж она убийство ребенка проглотит и смолчит, значит, внутри у нее совсем ничего нет, кроме холода и равнодушия. И так нехорошо, и эдак неладно.

Она почувствовала, как Саприн легонько похлопывает ее по бедру.

– Тамара, – тихо проговорил он прямо ей в ухо, – просыпайся, принесли ужин.

– Я сплю, – сонно пробормотала она, все еще надеясь, что он отстанет.

Но Николай не отставал.

– Давай, Тамара, давай, просыпайся, – повторил он настойчиво, – мы целый день ничего не ели, и, когда теперь сможем поесть, тоже неизвестно. Ну-ка, открывай глазки.

Уператься дальше смысла не было. Во-первых, она была зверски голодна. Есть же счастливые люди, у которых в моменты нервного напряжения кусок в горло не лезет. У Тамары Коченовой в такие периоды просыпался чудовищный аппетит. Она готова была сметать все подряд из холодильника и со стола, а в юности во время экзаменационной сессии в институте всегда набирала по три-четыре килограмма. А во-вторых, надо наконец объясниться с Николаем и скинуть с себя этот груз.

Она открыла глаза, улыбнулась своему спутнику и подняла спинку кресла. Стюардесса протянула ей поднос с горячим ужином, и Тамара принялась тщательно и деловито протирать руки и лицо влажной ароматизированной салфеткой. «Допрыгалась, – сердито говорила она сама себе. – Все думала, ничего, это мелочь, и это тоже мелочь, и это ерунда, и то не стоит внимания. А что вышло в результате? А в результате ты, моя дорогая, заработала себе репутацию переводчицы, которую можно нанять для выполнения всяких мерзких поручений. Когда тебя просто подкладывали под нужных людей, ты относилась к этому как к дополнительной профессиональной услуге. А когда тебя попросили «поработать» над синхронным переводом в нужную сторону, вот тогда тебе бы насторожиться. А ты? Хи-хи да ха-ха, да как весело, да как смешно, да, конечно, я все сделаю. Вот и получила. Теперь тебя наняли помощницей убийцы. А завтра что тебе предложат? Самой взять в руки пистолет и убить кого-нибудь? Ты этого дожидаясь? Конечно, сейчас самое время начать изображать целку и кричать на всех перекрестках, что ты не такая. Раньше была «такая», а теперь в один момент исправилась. Курам на смех».

Она сосредоточенно пилила тупым пластмассовым ножом жесткое куриное мясо и ждала, когда Саприн наконец начнет выяснять отношения. Руки у нее дрожали, и мясо никак не хотело поддаваться, а все норовило выскочить из пластмассовой тарелочки прямо на колени Тамаре.

– Через два часа мы прилетим домой, – сказал Николай. – И расстанемся. Жалко.

– Почему?

– Я бы хотел с тобой встретиться. Как ты к этому относишься?

– Нормально отношусь. – Тамара пожалала плечами и сунула в рот кусок курицы, который ей удалось отковырнуть. – Давай встретимся. Мой телефон у тебя есть, так что никаких проблем.

– Есть проблема, – тихо возразил Саприн. – Я боюсь, что после того, что произошло сегодня, ты можешь не захотеть больше ложиться со мной в постель. Знаешь, это случается с очень многими женщинами. Они начинают бояться мужчину, который может выстрелить в живого человека.

Тамара положила вилку и нож на поднос и повернулась к Николаю.

– Послушай, дорогой мой, не надо мне напоминать о том, что случилось сегодня утром. Я этого не видела, я этого не слышала, я этого не знаю. Понял? Все. Обсуждение вопроса закрыто. И не смей втягивать меня в это. Это ваши дела, а мое дело – перевод и прикрытие. Меня для чего наняли? Для того, чтобы я тебя прикрывала от вожделеющих девиц и ревнивых мужиков и заодно создавала впечатление, что мы с тобой чехи или поляки. Я свою работу выполнила?

Выполнила. Остальное меня не касается. Поэтому, если ты хочешь в Москве продолжать со мной трахаться, я ничего не имею против. Ты красивый мужик и хороший любовник, а о том, что ты можешь выстрелить в живого человека, мне ничего не известно. Ясно, солнце мое?

– Ясно, – кивнул Саприн.

Он умолк и до самой посадки больше не произнес ни слова.

В Шереметьеве они довольно удачно успели выскочить из самолета в числе первых пассажиров и подошли к паспортному контролю, когда к каждому окошку стояло всего по два-три человека. Буквально через десять минут они уже были на улице.

– У меня машина на стоянке, – сказал Саприн. – Я тебя отвезу.

Тамара молча кивнула и пошла следом за ним в сторону платной стоянки. Она уже приняла решение, и мысли ее были заняты тем, как это решение наилучшим образом воплотить в жизнь. Одно она знала совершенно точно – домой возвращаться ей нельзя. Во всяком случае сейчас, когда вместе с ней в квартиру может подняться Николай. Абсолютно очевидно, что он ей не поверил. Поэтому на всякий случай сейчас она поедет не к себе, а к матери.

– Где ты живешь? – спросил он, когда они уже мчались по Ленинградскому шоссе.

– Метро «Филевский парк». Там недалеко.

– Хорошо, тогда заедем по дороге к Дусику, закину ему папку, чтобы потом лишний крюк не делать. Ладно?

– Ладно, – равнодушно согласилась Тамара.

Заезжать нужно было на проспект маршала Жукова, это действительно было по пути.

Возле красивого полукруглого здания, стоящего на пересечении двух улиц, Саприн притормозил.

– Я недолго, – пообещал он, вылезая из машины. – Пять минут.

Она задумчиво поглядела ему вслед и не спеша достала сигареты из сумочки.

* * *

Михаил Владимирович Шоринов сидел перед телевизором, но не понимал, что происходит на экране. То и дело поглядывая на часы, он прикидывал, где сейчас Саприн и Тамара, что происходит и сколько еще ему ждать. Любовница Шоринова Катя тихонько лежала на диване, свернувшись в клубочек, и с любопытством наблюдала за разворачивающимися на экране событиями. Фильм был совсем новый, какой-то суперхит, который удалось достать с большим трудом, но Шоринов никак не мог включиться в просмотр.

– Дусик, сделай, пожалуйста, чуть поярче, – попросила Катя.

Шоринов начал бестолково нажимать кнопки на пульте дистанционного управления, по ошибке то увеличивая звук, то уменьшая контрастность. Когда он нервничал, то начинал плохо соображать. Наконец он с досадой швырнул темный прямоугольник пульта на диван, на котором лежала девушка.

– На, сама сделай, – раздраженно сказал он, поднялся с кресла и вышел на кухню.

Уже одиннадцатый час, подумал Шоринов, надо идти домой, чтобы не волновать жену и не вызывать у нее ненужных подозрений. Он обещал быть дома не позже одиннадцати. Где же они? Он звонил в Шереметьево, ему сказали, что рейс прилетел без опоздания. В очереди застряли? Не может быть, Коля Саприн опытный путешественник, он всегда точно знает, какие места просить при регистрации, чтобы выйти из самолета одним из первых, будь то аэробус, «Боинг» или поганенький «ТУ-134». Правда, очередь может возникнуть из-за пассажиров с другого рейса, так частенько случается. Но как бы там ни было, какова бы ни была причина задержки, она нервировала Михаила Владимировича с каждой минутой все больше и больше. Наконец он услышал звонок в дверь.

– Что так долго? – спросил он вместо приветствия.

– В пробку попали, – спокойно объяснил Саприн. – Вот, держите.

Он протянул Шоринову папку с материалами.

– Как все прошло?

– По плану. По платежным документам я получил наличные и передал их вашим людям в Вене. Они знают, что в ближайшее время вы передадите им еще дополнительно некоторую сумму, после чего деньги будут возвращены на указанные вами счета. У вашего богатого благодетеля будет полная иллюзия, что этими деньгами действительно с кем-то расплачивались, а спустя примерно неделю вы смогли вернуть долг вместе с процентами.

– Что Тамара?

– С Тамарой у нас проблема, Михаил Владимирович. Она очень напугана и изо всех сил делает вид, что ничего не произошло. Якобы ее это не касается. Поверьте моему опыту, так ведут себя люди, которые понимают, что стали нежелательными свидетелями и теперь им нужно опасаться за свою жизнь. Если бы она устроила истерику, я бы нашел способ ее успокоить, объяснил бы, что ей выгодно молчать в тряпочку. А она ничего не говорит и не спрашивает. Она очень опасна, Михаил Владимирович, поверьте мне. Она достаточно умна и может попытаться затеять с нами всякие разные игры, а любая игра подразумевает лишние телодвижения, которые могут привлечь чье-нибудь внимание.

– Я понял, – торопливо откликнулся Шоринов. – Я понял и полностью согласен с тобой. Хотя... Может быть, она молчит не потому, что задумала какую-то каверзу? Может, она просто хочет денег за молчание? Ты не говорил с ней об этом?

– Михаил Владимирович, я не первый день на свете живу... – начал было Саприн, но Шоринов перебил его:

– Попробуй в этом направлении. Может, все обойдется. Заткни ей рот пачкой долларов и спи спокойно. Можешь торговаться до пятидесяти тысяч. А уж если она захочет больше, тогда, конечно... Где она сейчас?

– Ждет в машине.

– Подожди.

Шоринов зашел в комнату, где Катя по-прежнему лежала на диване, уставившись в телевизор.

– Кто пришел, Дусик? – спросила она.

– Николай, – ответил Михаил Владимирович, доставая из шкафа кейс и открывая кодовый замок.

Катя легко вскочила с дивана и пулей вылетела в прихожую. Когда через две минуты из комнаты вышел Шоринов, ему показалось, что в прихожей нечем дышать. Саприн и Катя молча стояли и смотрели друг на друга, и это молчание, казалось, вобрало в себя весь кислород, весь воздух. В руках у Кати Шоринов заметил небольшую коробочку.

– Спасибо, Коля, – наконец произнесла Катя необычно мягким голосом и повернулась к Шоринову. – Смотри, Дусик, Коля привез мне то, о чем я его просила.

– Что это? – недовольно спросил он.

– Тигренок. – Она счастливо улыбнулась. – Стекланный тигренок.

Шоринов с облегчением перевел дух. Конечно, тигренок. Ну, если тигренок, то это не страшно. Вот если бы она попросила у Коли духи, или белье, или лекарство какое-нибудь, то это свидетельствовало бы... Короче, все понятно. Нет такой вещи, которую Шоринов не мог бы достать для нее. Сейчас все можно достать, нет проблем. И если Катерина о чем-то попросила Николая, то это не потому, что она не может получить нужную ей вещь, а потому, что просьба и ее выполнение – знак близости. Духи, белье, лекарство – все это интимные штучки, чтобы привязать мужика, завести его, взбудоражить кажущейся близостью. А тигренок – это не страшно. Это можно. Всем известно, что она собирает игрушечных тигрят, и стеклянных, и пластмассовых, и плюшевых, и керамических. И сам Шоринов, и все его приятели, знающие о

существовании Кати, постоянно привозили ей сувениры из всех поездок. Вот и Коля привез. Все нормально.

– Катюша, иди в комнату, – ласково сказал он.

Катя молча повиновалась, даже не попрощавшись с Саприным, но Михаил Владимирович успел перехватить взгляд, который она бросила на Николая.

– Вот. – Он протянул Саприну пакет. – Отдашь ей, скажешь, гонорар за работу. Здесь тридцать тысяч. Первоначально мы договаривались на десять. Пусть возьмет и посмотрит, сколько здесь. По ее реакции сориентируешься, как действовать дальше. В крайнем случае пообещай ей еще двадцать тысяч.

– Это еще не крайний случай, – осторожно возразил Николай.

– Ну да, конечно. На самый крайний – ты знаешь, что делать. Считай, что санкцию мою ты получил.

Саприн сунул пакет с деньгами в дорожную сумку и вышел из квартиры. Спустившись вниз, он сделал несколько шагов и остановился. Его машина была пуста. Тамара Коченова исчезла.

* * *

Судебно-медицинский морг управления полиции Визельбурга находился в очаровательном особнячке, внешне напоминающем пряничный домик. Поднимаясь вместе с полицейским комиссаром на крыльцо, Манфред Кнепке подумал о том, что рядом со смертью почему-то всегда находится что-нибудь красивое. То ли судьба пытается хоть как-то смягчить страшное уродство смерти, то ли, наоборот, хочет напомнить о том, что после земного существования приходит черед лучшей жизни.

– Сюда, пожалуйста, – сказал комиссар, пропуская Кнепке в дверь, ведущую в холодильник.

Манфред послушно шел, куда ему указывали, и молил бога, чтобы все оказалось ошибкой. Конечно, Лилиана и маленький Филипп до сих пор не приехали, но ведь такая отвратительная погода, может быть, они все еще не выехали из Гмундена. Или выехали, но застряли где-то по дороге. Он не помнил и не хотел помнить, что уже трижды звонил в клинику и разные голоса отвечали ему одно и то же: ваша супруга и сын выехали вчера около семи утра. Он не хотел помнить, что комиссар сказал ему: при убитой женщине найдены документы на имя Лилианы Кнепке. Мало ли у кого найдены документы! Может, Лилиана их потеряла, а эта женщина нашла. Или даже сама их украла у Лилианы.

– Взгляните, пожалуйста, – произнес комиссар, в то время как служитель морга откинул простыню с лежащего на каталке тела.

– Да, – ответил Манфред, не слыша собственного голоса, – это моя жена.

Он упорно не поворачивал голову вправо, туда, где стояла еще одна каталка. Под простыней угадывалось маленькое тельце. Он все еще надеялся, что сейчас комиссар скажет: «К сожалению, вашего сына мы пока не нашли». Если он так скажет, значит, есть надежда, что Филиппу удалось убежать, спастись. И Манфред будет его искать. А лежащий на соседней каталке трупик – это какой-то другой ребенок, не его сын, не Филипп.

– Теперь сюда, будьте любезны, – сказал комиссар, делая шаг в сторону второй каталки, и вот тут наконец Манфред Кнепке осознал, что все кончено и надеяться больше не на что.

Через час он сидел в кабинете комиссара в управлении полиции. На всякий случай предусмотрительный комиссар пригласил врача, который сделал Манфреду укол, и Кнепке почувствовал себя немного лучше. В голове прояснилось, боль в сердце стала не такой острой, и он мог отвечать на вопросы полицейских.

– Вот вещи, найденные на месте преступления. Взгляните, не пропало ли что-нибудь. Вы знаете, какие вещи должны были быть у вашей жены с собой?

Кнепке добросовестно перечислял драгоценности Лилианы, которые должны были быть на ней и которых не оказалось, когда ее обнаружили застреленной рядом с машиной.

– У нее должны были быть деньги, довольно большая сумма. Она всегда возила с собой много денег, особенно когда ехала с Филиппом. Знаете, он такой болезненный, и Лилиана считала необходимым потакать всем его капризам, а капризы у него бывали порой очень своеобразные. Однажды, например, они гуляли в парке и увидели детей из сиротского приюта, их было человек двадцать. Филипп, узнав, что у них нет родителей, потребовал, чтобы мать немедленно купила им всем по гамбургеру, бутылке пепси, мороженому и игрушке. Ему нельзя было отказывать, иначе он начинал так надсадно рыдать, что сердце останавливалось. А у него легкие больные, ему этого совсем нельзя... Поэтому у Лилианы, кроме кредитных карт, всегда были наличные на такой вот случай.

– Скажите, вам знакома женщина по имени Вероника Штайнек?

– Впервые слышу. Кто это такая?

– Ее труп нашли в пятнадцати метрах от машины вашей жены. По всей вероятности, они ехали вместе. Вот, взгляните на фотографию.

Манфред посмотрел на снимок – красивая молодая женщина. Только мертвая.

– Да, я видел ее в клинике в Гмундене. Кажется, Лилиана говорила, что она русская. Медсестра или что-то в этом роде.

– Санитарка, – уточнил комиссар. – Что могло быть общего у вашей супруги и санитарки? Почему они оказались в одной машине?

– Уверяю вас, это ровным счетом ничего не означает. Лилиана еще недостаточно хорошо говорит... говорила по-немецки, наш язык довольно трудный для иностранцев, и она очень уставала, если приходилось целый день общаться с австрийцами. Я помню, она так радовалась, когда узнала, что в клинике есть женщина из русских эмигрантов. Лилиана говорила: теперь хоть будет с кем душу отвести, можно будет разговаривать, не думая над согласованием времен. Так что вполне возможно, что эта санитарка ехала в Вену или в Визельбург и Лилиана вызвалась ее подвезти, чтобы поболтать по дороге.

– Значит, вы, господин Кнепке, уверены, что убийство никак не связано с тем обстоятельством, что обе погибшие женщины были русскими эмигрантками?

– Уверен, господин комиссар. Либо причина убийства лежит в этой Штайнек, либо это было нападение с целью ограбления. У моей жены не было врагов, никто не мог желать ее смерти.

– Ну, что касается Штайнек, – комиссар пожал плечами, – вряд ли она могла представлять интерес хоть для какого-нибудь убийцы. Нищая, занятая малооплачиваемой работой, муж сидит в тюрьме. Знакомых у нее практически нет, только любовник, работает электриком в той же клинике. У нее даже гражданства австрийского до сих пор нет, только вид на жительство. Маловероятно, что она была истинной мишенью тщательно организованного преступления, а ваша жена, супруга крупнейшего финансиста Манфреда Кнепке, оказалась случайной жертвой. Согласитесь, это больше смахивает на сказочку для дурачков. Я все-таки склонен думать, что покушались именно на вашу жену.

– Значит, это было ограбление, – устало сказал Кнепке. – Драгоценности Лилианы хорошо известны в определенных кругах. Пожалуйста, господин комиссар, позвольте мне уехать. Мне нужно побыть одному.

Вернувшись в Вену, Манфред сразу поехал в свой офис. Его личная секретарша Марта, преданно работавшая у него больше пятнадцати лет, разумеется, была на месте, хоть и было воскресенье. Она уже знала об обрушившемся на босса несчастье, поэтому забросила все

домашние дела и примчалась в офис, чтобы быть под рукой, если нужно. Кнепке благодарно улыбнулся ей, проходя в свой кабинет.

– Вы обедали, Марта?

– Нет, я боялась выходить. Вдруг вы позвонили бы, а меня нет.

– Сходите поешьте, вы будете мне нужны через двадцать минут.

Войдя к себе, Кнепке, не снимая плаща, уселся за стол и подвинул к себе телефон. На несколько мгновений он словно замер, потом встряхнулся и решительно набрал многозначный номер. Он звонил в Россию.

– Здравствуй, Эдуард, – произнес он на хорошем русском языке, правда, с сильным акцентом.

– Манфред! – услышал он в ответ. – Рад тебя слышать. Как дела?

– Плохо.

– Что-нибудь случилось?

– Случилось. – Кнепке помолчал. – Лили больше нет. И маленького Филиппа тоже. Ты приедешь на похороны?

– Подожди, Манфред... Подожди. Я... Что с Лилей?

– Лили умерла, Эдуард. Прошу тебя, мне больно сейчас говорить об этом. Если ты приедешь на похороны, я закажу тебе гостиницу. Тогда и поговорим.

– Да-да, конечно, я приеду. С визой проблем не будет, я же получал ее три месяца назад, она еще действительна. Когда похороны?

– В среду. Ты мне сообщишь, когда тебя встречать?

– Конечно. Я постараюсь прилететь как можно скорее, может быть, во вторник или даже завтра. Держись, Манфред.

Кнепке положил трубку. У него было такое чувство, будто пришел старый надежный друг и сказал: «Ни о чем не беспокойся, я все возьму на себя и решу все твои проблемы. Это тебе они кажутся безумно сложными, а для меня – тьфу, ерунда. Ты спрячься за мою спину и отдыхай, а я все сделаю». Такое чувство всегда возникало у Манфреда Кнепке, когда приходилось иметь дело с Эдуардом. Никогда в жизни не встречал он человека более надежного и крепкого. Эдуард никогда не обманывал его, не подводил. Всегда держал слово и выполнял обещания. Даже когда сватал ему Лилию, честно предупредил о ее недостатках и не обманул, описывая достоинства. Лилия оказалась именно такой, как говорил Эдуард. Нежной и преданной. Взбалмошной транжирой. Прекрасной матерью, обожающей своих детей. Простушкой, не чувствующей разницы между социальными слоями и не умеющей держать дистанцию. Домовитой хозяйкой.

Когда Манфред впервые увидел Лилию, она была любовницей Эдуарда. В тот раз они приехали в Вену на Рождество, просто так, погулять, повеселиться. Манфред провел вместе с ними целую неделю, а под конец сказал Эдуарду:

– Послушай, где ты находишь таких красоток? Поделись секретом, может, я себе наконец подыщу жену.

Ответ Эдуарда его ошаршил.

– Хочешь, бери Лилию в жены, если она тебе понравилась.

– Но ведь это твоя женщина, Эдуард, – возмутился Манфред. – Это все равно что жена друга. Это свято и неприкосновенно.

– Глупости, – рассмеялся Эдуард. – Все как раз наоборот. Я ничего не могу ей предложить. Я стар для нее, у меня есть жена, дети и внуки, и я никогда не женюсь на ней. Она скрасила мне целых пять лет и за это должна быть вознаграждена. А что может стать лучшей наградой для нее, чем брак с преуспевающим финансистом и жизнь в Западной Европе?

– Но я не понимаю, – растерялся Кнепке. – Ты так говоришь, будто уверен, что я ей понравлюсь и она захочет стать моей женой. А если нет?

– Да понравишься ты ей, куда ты денешься! Она мне уже все уши прожужжала, какой ты славный да симпатичный. Так что ты подумай, если что – я всегда готов пойти тебе навстречу.

Сначала Манфред не воспринял это всерьез, но в течение ближайшего года ему пришлось несколько раз побывать в России, он встречался с Эдуардом и его подругой и все больше укреплялся в мысли, что эта девушка ему нравится. Он не сомневался в том, что Лиля – обыкновенная шлюха, но ведь говорят же, что из шлюх получаются впоследствии самые лучшие жены. Одним словом, предложение своего русского партнера по бизнесу Манфред принял. И не раскаялся.

Он старался не задумываться о том, какие чувства они испытывают друг к другу. С сильными обжигающими чувствами он покончил еще тогда, когда разводился со своей первой женой, бросившей его после того, как умер их первенец. А вот понимание того, какой должна быть семья, было у него и у этой русской девушки совершенно одинаковым. Манфред очень хотел иметь детей, и Лиля с удовольствием их рожала и возилась с ними. Манфред считал, что хозяйка дома должна быть не столько светской львицей, сколько гостеприимной и приветливой супругой хозяина, а Лиля с наслаждением осваивала разнообразную кухонную технику, умело выбирала продукты и прекрасно готовила. Манфред хотел, чтобы с женой было не стыдно выйти в свет, а Лиля с восторгом и благодарностью ездила вместе с ним в дорогие магазины и выбирала наряды, которые ей шли и которые она носила с изяществом и элегантностью. И даже вкусы у них были одинаковыми. Когда Кнепке впервые привез ее в свой дом, он сказал:

– Если ты согласишься стать моей женой, ты, конечно, сможешь переделать здесь все по своему вкусу, ведь этот дом станет и твоим.

Она обошла особняк, заглянула в каждую комнату, внимательно все осмотрела.

– Мне здесь очень нравится, – улыбнулась она. – Я бы не стала ничего переделывать, здесь все как раз по моему вкусу. Только вот эту картину я повесила бы не здесь, а в гостиной.

Манфред и сам подумывал о том, что большой картине, наполненной воздухом и радостью, не место в кабинете, обшитом темными деревянными панелями, но заняться перевешиванием руки не доходили.

И вот Лили нет больше. И их первенца Филиппа тоже нет. Кнепке был уверен, что это самым прямым образом связано с его деловыми интересами в России. Они с Эдуардом проводили такие дела, что и сказать страшно. Основной криминал, конечно, творился на территории России, а там у Эдуарда в правоохранительной системе все схвачено и все куплено. Но и опасностью все время оттуда веет. Есть конкуренты, есть клиенты, недовольные слишком высокими ставками оплаты за оказываемые услуги. Эдуард всегда требовал четкости в работе и жесткости в обращении с клиентами. Никаких отсрочек платежей, никаких льготных процентов, никаких «под честное слово». И вот результат... Манфред ни минуты не сомневался, что убийство Лили и Филиппа было мстостью за поистине драконовское поведение в сфере бизнеса. У Эдуарда были твердые правила: чем бы они ни занимались, это не должно быть связано ни с наркотиками, ни с антиквариатом, ни с оружием. На эти три вещи было наложено вето раз и навсегда. «В тот день, когда я попаду в картотеку Интерпола, – говорил Эдуард, – я кончусь как бизнесмен». Система отмывания денег, разработанная и созданная Эдуардом, была невероятно эффективной и простой, надежной и безопасной, быстрой в обороте. Ведь известно, что в отмывании нуждаются не только те деньги, которые заработаны продажей оружия, наркотиков или культурных ценностей. Ворованное, добытое мошенническим путем или полученное в виде взятки, тоже нужно очищать. Да и многое другое. Эдуард создал своего рода монополию, к его услугам обращались дельцы во всем мире, и процент за услуги он брал огромный. При этом позволял себе отбирать клиентов – с одними работал, другим отказывал. И строго наказывал тех своих партнеров, которые заключали соглашение с людьми ненадежными или замаравшими себя причастностью к трем запретным вещам.

Не так давно к Манфреду обратился один такой нежелательный клиент, и, разумеется, ему было отказано. Клиент, однако, оказался строптивым, с первого раза не понял и попытку повторил. Получил второй отказ. И так, понимаете ли, разгневался, что начал угрожать Манфреду всеми карами небесными. Манфред для порядка справился у Эдуарда, так, на всякий случай, может, он что-то не так понял и клиенту нельзя было отказывать? Эдуард же заверил его, что все правильно, запах наркотиков он не переносил совершенно и назойливого клиента велел гнать в три шеи. Так Кнепке и сделал. Но настырный клиент не унялся и стал искать подходы к каналу отмывания денег уже не в Австрии, а в Москве. Поднажал на московские звенья канала, надеясь, что там дело пойдет легче, но и там не обломилось. Человек из московского звена связался с Манфредом и испуганно сказал, что ему угрожают похищением ребенка. Манфред заколебался, все-таки ребенок... Кинулся звонить Эдуарду. Тот своих позиций не сдал, отказал категорически. «Если у твоих людей в Москве ненадежная охрана, так пусть позаботятся именно об этом, а не о том, чтобы уломать нас с тобой и заставить нарушить правила». Манфред так и передал своему представителю в Москве, звали его Францем Югенау. А через неделю ребенка Франца похитили. Повинуясь жесткой позиции Эдуарда, не позволяющего никому диктовать ему свою волю, Манфред скрепя сердце заявил Югенау: «Если ты не смог обеспечить безопасность собственного ребенка, тебе не место в нашем деле. Уходи из фирмы. А с этими клиентами я работать все равно не буду». Югенау уволился, и ребенка ему тут же вернули. Но Манфред имел все основания подозревать, что тот мог и отомстить. Показать ему, Манфреду Кнепке, что и тот не смог обеспечить безопасность своих близких.

Поэтому и стал он рассказывать комиссару байки о драгоценностях Лилианы. То есть драгоценности, конечно, существовали, об этом знала вся Вена, но Лилия никогда не таскала их без повода, а тем более когда ездила в Гмунден. Обручальное кольцо, небольшие сережки с бриллиантами и тонкая золотая цепочка на руке – вот и все, что у нее было, когда она уезжала в последний раз к сыну в клинику. Но Манфред упорно навязывал полиции версию убийства с целью ограбления, чтобы они не начали раскапывать ничего другого. Меньше всего на свете он хотел, чтобы вылезла наружу история с Югенау и непонятливым клиентом, связанным с наркобизнесом. Ведь тогда придется объяснять, чего именно хотел от них этот клиент, да почему он хотел этого именно от них, и так далее...

Он уже знал, что будет делать дальше. С полицией он станет твердо держаться прежней версии, настаивая на том, что у Лилианы пропали драгоценности и деньги. А сам тем временем наймет частного детектива и попробует выяснить, что же произошло на самом деле. Смерть жены и сына он не намерен спускать с рук. Он найдет убийцу и покарает его. Сам.

* * *

Тамара сладко потянулась, плотнее закуталась в одеяло и собралась было снова заснуть, как вдруг вспомнила, на чьем диване лежит, и в чьей квартире, и как она здесь оказалась. Сон как рукой сняло. Черт, ну и вляпалась она!

– Юра! – позвала она.

Никто не откликнулся. Тамара накинула халатик и босиком обошла всю квартиру. Никого. Наверное, Юрий ушел по делам, не стал ее будить. Конечно, он деликатный человек и слова не скажет, сколько бы она у него ни прожила, понимает, что она в беде, но ведь надо и совесть иметь. Она ему мешает, это совершенно очевидно. Юрка ждет не дождется, когда она наконец «очистит помещение».

Наверное, думала Тамара, у каждой женщины должен быть такой вот Юра, бывший любовник, который и спустя годы готов прийти на помощь и не задавать вопросов. Не друг детства, а именно бывший любовник, чтобы не создавались проблемы совместного пребывания в одной комнате, а иногда и в одной постели, если в квартире только одно спальное место. Чтобы

не стыдно было раздеться и попросить помассировать спину. Чтобы в случае чего можно было без проблем, без слов, извинений и обещаний заняться любовью, если на душе паскудно или тело требует.

С Юрием Обориным роман у Тамары был так давно, что казался придуманным. С тех пор она ни разу не обращалась к нему ни с какими своими проблемами. Но именно поэтому прибежала к нему сейчас. Если ее начнут искать, то уж здесь-то точно не найдут. Никто из ее нынешних знакомых даже имени Юры Оборина никогда от нее не слышал. Вспомнить Юрку могла бы, наверное, только мать Тамары, во всяком случае она была с ним знакома. Но вряд ли вспомнит. Она слишком занята собой, чтобы помнить, с кем ее дочь встречалась десять лет назад.

Итак, нужно быстренько искать способ смотаться из Москвы подальше и на подольше. Тамара на скорую руку позавтракала, убралась в квартире в виде благодарности за предоставленный приют и уселась за телефон. Первым делом она позвонила в агентство «Лира», обеспечивающее переводчиками различные конференции и переговоры, в том числе проходящие и за пределами столицы. В этом агентстве иногда требовались переводчики-секретари для сопровождения бизнесменов в поездках по стране. Такая поездка месяца на два-три Тамару вполне устроила бы сейчас. Понятно, что с бизнесменом придется трахаться, не без этого, но это черт с ним. Ноги бы унести.

Но ее поджидало разочарование. Сопровождающие в поездку не требовались. И никаких выездных конференций. И вообще ничего подходящего.

– Между прочим, тебя искала эта... Как ее... С горбатым носом. Не помню, как ее зовут, – сказала ей Лариса, старший менеджер «Лиры».

– Карина?

– Вот-вот.

– Что она хотела?

– Откуда я знаю? Позвони, узнай.

– Конечно, позвоню.

Карина работала в другом агентстве, тоже нуждающемся в переводчиках. Тамара была мало с ней знакома, Карина ей не нравилась, она была слишком напористой, слишком крикливой, слишком безапелляционной. Вообще она вся была – слишком. Тамара очень быстро уставала от нее. Но сейчас положение было не таким, чтобы вспоминать о симпатиях и антипатиях. Она открыла записную книжку на нужной странице и быстро набрала телефон Карины.

– Хорошо, что ты объявилась, – с ходу начала Карина. – Есть работа, очень хорошо платят. С выездом из Москвы.

«Конечно, хочу!» – чуть было не вырвалось у Тамары, но она прикусила язык, ибо слишком хорошо знала, что такое Карина. Нарывалась уже, было дело.

– Что за работа? – осторожно спросила она.

– На нефтеразработках. Там работают немцы, и нас попросили послать туда трех-четырех переводчиков.

«Понятно, – подумала Тамара. – Немецкий язык – не японский и не хинди, переводчиков с немецкого в любом городе можно найти. Зачем же запрашивать их из Москвы? Небось такая глухомань, что и подумать страшно. Как раз то, что мне нужно».

– Где конкретно?

– Где-то в Средней Азии. – Ответ Карины прозвучал неуверенно, словно она и сама точно не знала, в Средней Азии ли эти нефтеразработки или еще где.

– Ладно, давай телефон, я с ними созвонюсь.

Карина продиктовала телефон, и Тамара аккуратно записала его на листочке, лежащем возле телефона.

– Какой там режим работы, не знаешь?

– Ну... – Карина замялась, и Тамара поняла, что это было самым уязвимым местом во всей ситуации. – Там вахтовый метод... Но платят очень хорошо, ты не сомневайся.

– Что-о-о? – протянула Тамара. – Вахтовый метод? Это значит, полгода без выходных, по двадцать четыре часа в сутки? Знаю я эти вахты. Это ж мне с каждым немцем надо будет трахаться. Для того и привозят переводчиц из Москвы. Как раз твое агентство этим славится.

– Ну а что такого? – капризно возразила Карина. – Зато деньги вон какие платят за это. Так что, поедешь?

– Да пошла ты! – в сердцах бросила Тамара. – Ты меня однажды уже сосватала на такую вахту в Воркуту, забыла? А я помню очень хорошо, как после этого три месяца в больнице валялась. Нет уж, сама поезжай. Почему бы тебе самой денег не подзаработать?

– Да у меня же французский, а им немецкий нужен. Ну Тамара, ну, может, все-таки поедешь, а? Они так надеются на нашу фирму, не хочется их разочаровывать.

– Твои проблемы, – презрительно откликнулась Тамара. – Я не поеду. Другую дуру ищи. Все, привет.

Повесив трубку, она весело улыбнулась и набрала номер, записанный на листочке. Через десять минут она уже знала, что завтра вечером улетает вместе с группой немецких нефтеразработчиков в среднеазиатские степи. Как минимум на полгода.

Глава 4

Николай Саприн лежал в постели, мучимый высокой температурой, застарелой ненавистью и зарождавшейся влюбленностью. Причем одновременно. И при этом понимал, что ни на первое, ни на второе, ни на третье права он не имеет, потому что должен искать Тамару Коченову.

Выйдя после встречи с Шориновым из дома, где жила его любовница, и обнаружив, что Тамара сбежала, он немедленно вернулся в квартиру Кати. Михаил Владимирович уже собирался уходить и очень торопился. Сообщение Николая его совсем не обрадовало.

– Ты считаешь, что она сбежала, потому что поняла, насколько стала опасной для нас?

– Я вам говорил об этом четверть часа назад, – раздраженно ответил Саприн, чувствуя внезапное головокружение и быстро нарастающий неприятный металлический привкус во рту. Черт возьми, где он ухитрился простудиться?

– Тогда тем более ее нужно немедленно найти, – приказал Шоринов, натягивая куртку.

Он не любил, когда ему указывали на его промахи, но ошибки свои умел признавать.

– Катя, я ушел! – крикнул он.

Катя выбежала в прихожую, чмокнула Шоринова в щеку, улыбнулась Николаю, потом посмотрела на него более внимательно.

– Что с вами, Коля? Вы весь в испарине. Вам нехорошо?

– Все в порядке, – вымученно улыбнулся Саприн. – Кажется, простыл немного.

Катя легко дотронулась ладонью до его лба.

– Да у вас же температура! И никакая это не простуда, а самая настоящая вирусная инфекция. Чем вы лечитесь?

– Пока ничем. Полчаса назад был совершенно здоров. Сейчас приеду домой и начну лечиться.

– Конечно, это инфекция, – убежденно повторила Катя. – Простуда не дает такого быстрого развития.

– Катя, – недовольно перебил ее Шоринов, – сейчас не время играть в доктора. Я тороплюсь. Пойдем, Николай.

– Нет, – внезапно заупрямилась девушка. – Я не могу отпустить Колю в таком виде. Ты что, не понимаешь, Дусик? У него же температура высокая, как он сядет за руль? Он же в аварию может попасть.

– И что ты предлагаешь? Устроить здесь лазарет? – Шоринов начинал злиться, это было очевидно, но Катя, судя по всему, не считала нужным обращать на это внимание.

– Я по крайней мере смогу сбить ему температуру, чтобы он мог без происшествий доехать до дома, – заявила она. – Раздевайтесь, Коля.

– Спасибо, Катя, я вам очень признателен, но я поеду, – сказал Саприн, хотя чувствовал себя совсем плохо.

Он знал за собой эту особенность: заболеть резко и очень быстро. Ухудшение обычно происходило прямо на глазах, в течение максимум часа, а то и еще быстрее. Он всегда завидовал людям, которым сначала два-три дня немножко нездоровится и о начинающейся болезни заблаговременно предупреждают легкое покашливание и ненавязчивая головная боль. Такие люди, думал Николай, могут вовремя «перехватить» болезнь, принять радикальные меры и отделаться легким испугом. Ему же это никогда не удавалось. Попав в организм, вирусная инфекция весь латентный период вела себя тихо и ничем его не беспокоила, а потом в одночасье обрушивалась дурнотой, слабостью, головокружением, болями в ногах и высокой температурой. И сейчас, стоя в прихожей Катинной квартиры, Саприн отчетливо понимал, что девушка

права: в таком состоянии он не может вести машину. И плевать, что по этому поводу думает Шоринов. Жизнь, в конце концов, дороже.

– У меня нет времени.

Шоринов резко распахнул входную дверь и обернулся.

– Оставайся, Николай, пусть Катя приведет тебя в чувство, а то еще, не дай бог, врежешься во что-нибудь.

Оказалось, что лечить Катя действительно умеет, хотя смысла предпринимаемых ею действий Саприн до конца не понимал. Она давала ему какие-то лекарства, мазала определенные точки на теле пахучими мазями, которые нестерпимо жгли кожу, заставляла вдыхать поднимающийся из термоса пар от горячей воды, в которой развела вьетнамский бальзам и таблетку валидола. Зачем это нужно, Николай не знал, но послушно выполнял все, что она велела. Он мог бы съесть даже живую жабу, если бы получил ее из Катиных рук.

– Имейте в виду, Коля, – говорила она очень серьезно, забирая у него градусник, – я не вылечила вашу болезнь, вам нужно лежать в постели как минимум неделю. Но температуру я вам сбила, и голова ближайшие полтора-два часа кружиться не будет, так что до дома вы доедете. Хотя это, конечно, не дело. Вам бы нужно сейчас поспать часов десять-двенадцать, а не ехать.

Ехать Саприн не хотел. Он хотел сидеть здесь, в этой квартире, рядом с Катей, а еще лучше – лежать и болеть. Но непременно здесь, чтобы Катя за ним ухаживала.

– Где вы научились так ловко бороться с болезнями? – спросил он.

Катя весело рассмеялась.

– В нашей семье было шестеро детей, я – старшая. Мама очень рано начала болеть, ей пришлось уйти с работы, она с тридцати семи лет на инвалидности. Представляете, восемь ртов прокормить? Родители да нас шестеро. Вот папа и начал ездить на заработки, на Север завербовался, большие деньги присылал. Так что я привыкла быть нянькой, на мне мама и пятеро младших с тринадцати лет. Поневоле научишься и лечить, и учить, и сопли вытирать. Я среднюю школу, можно сказать, шесть раз прошла: сама училась и с каждым из младших все уроки переделала да проверила. А сколько костюмов я к детским праздникам сшила! А сколько ушибов и порезов залечила! У меня иногда такое чувство бывает, что я пятерых собственных детей вырастила. Может, поэтому и замуж не выхожу. Знаете, кажется, что я материнский долг перед природой полностью выполнила. Хочется немножко передохнуть.

Николай уехал от нее в два часа ночи, дома лег в постель и не вставал вот уже третий день. Ухаживать за ним было некому, Катиними методами лечения он не владел, поэтому страдал от температуры и ломоты во всем теле, принимал традиционный набор лекарств и нетерпеливо ждал, когда болезнь отступит настолько, что он сможет ездить во всему городу, разыскивая Тамару. Жил он один, где-то в Подмоскowie, на теплой зимней даче жила его мать со своим третьим мужем, но Николаю и в голову не могло прийти позвать ее. Мать он ненавидел.

Вера Григорьевна никогда не утруждала себя заботой о детях. Отправив шестимесячного Колю к своей матери в далекую украинскую деревню, она за двенадцать лет ни разу не навестила его, ограничиваясь денежными переводами и посылками. Ее мать, Колина бабушка, была женщиной мудрой и доброй и, хотя поведения дочери не одобряла, ни разу не говорила об этом вслух при мальчике. Напротив, внушала ему мысль о том, что его мамочка – самая чудесная, самая красивая, вон как она заботится о нем, и деньги шлет, и подарки к праздникам. Когда Коле исполнилось двенадцать, от матери пришло письмо, в котором она позволяла наконец прислать мальчика обратно в Москву. Коля, выросший рядом с бабушкой-сказочницей, чувствовал себя принцем в изгнании, а маму, которую до той поры ни разу не видел, считал не меньше чем доброй королевой, которую злые враги заставили расстаться с единственным сыном. Теперь с происками врагов покончено, и она зовет его, своего любимого сына, обратно.

Реальность, однако, оказалась грубее, жестче и пошлее. С Колиным отцом мама, как выяснилось, давно развелась, от второго брака у нее была трехлетняя дочка Ирочка. Мамин новый муж с самого начала не одобрял, что Коля живет не с ними, и требовал, чтобы Вера Григорьевна вернула сына домой, но та отговаривалась, ссылаясь на стесненные жилищные условия: они жили в однокомнатной квартирке. Когда муж получил от своего ведомства огромную трехкомнатную квартиру, оттягивать Колино возвращение причин не нашлось, и Вера Григорьевна сдалась.

Та семейная идиллия, о которой мечтал мальчик, трясаясь в вагоне поезда Киев – Москва, продолжалась ровно неделю. В течение этой недели Вера Григорьевна облизывала сына, подкладывала ему в тарелку самые лучшие куски и сокрушалась, что он такой худенький, озабоченно обсуждала, не различаются ли школьные программы на Украине и в Москве и не окажется ли Коля отстающим. Одним словом, всячески изображала заботливую и любящую мать. Через неделю все кончилось, и Коля даже в свои двенадцать лет понял, что самое главное для матери – это она сама, ее удобства и ее собственные желания. Была бы ее воля, она бы развелась и со вторым мужем, а с Ирочкой поступила бы так же, как поступила в свое время с Колей. Но при разводе пришлось бы разменивать квартиру, а этого ей не хотелось – уж больно она была большая, да еще в самом центре Москвы. Все знакомые от зависти с ума посходили.

Зато с Олегом Петровичем, мужем матери, отношения у Коли сложились очень хорошие. Олегу было совестно за поведение жены, и он изо всех сил старался искупить ее вину: проводил с детьми много времени, водил их в цирк и в зоопарк, Ирочке покупал куклы, с Колей занимался спортом. А через три года погиб. Только тогда Коля и узнал, что Олег Петрович работал в Комитете государственной безопасности.

Вера Григорьевна горевала недолго, в конце концов все получилось так, как она хотела: квартира осталась ей, пенсию на Ирочку она получала солидную, а главное – теперь никто больше не упрекает ее в том, что она плохая мать и не заботится о своих детях. Коле шел шестнадцатый год, и он остро ощущал, что мешает матери, путается под ногами, занимает целую комнату, да вдобавок быстро растет и потому много ест и ему постоянно требуется новая одежда и обувь. Ирочку Вера Григорьевна отдала в школу-интернат для детей сотрудников МИДа. К МИДу она никакого отношения не имела, но на работе покойного мужа похлопотали, и отныне Ира постоянно находилась в этом интернате среди детей, родители которых уехали в длительную заграничную командировку, и домой являлась только на выходные.

Николай старался как можно меньше бывать дома, радостно принимал приглашения школьных приятелей пойти к ним в гости или поехать на дачу, записался во все мыслимые и немыслимые кружки и секции, чтобы было чем себя занять вне дома, а не болтаться по улице: страх перед бездельем был накрепко привит все той же мудрой бабушкой, вырастившей его. Закончив десять классов, Коля Саприн, кроме серебряной медали, имел первый разряд по легкой атлетике, знал очень прилично английский язык и чуть хуже – немецкий, играл на электрогитаре и ударных и умел массу других нужных и полезных вещей. А на вопрос, кем он хочет быть, отвечал не задумываясь: «Хочу работать в КГБ, как Олег». И дело здесь было не в романтике, а в том, что покойного мужа матери он по-настоящему полюбил, очень к нему привязался и хотел стать похожим на него.

И снова помогли бывшие сослуживцы Олега Петровича. Николай поступил в Высшую школу КГБ и через четыре года надел лейтенантские погоны с новенькими сверкающими звездочками. Карьера его продвигалась вполне успешно, пока не грянул путч 1991 года. Под сокращение он не попал, считался молодым и перспективным, имел за плечами несколько удачно проведенных операций за рубежом, но с новым руководством Николай сработаться не сумел, и его «вежливо попросили». Приобретенные профессиональные навыки позволили ему найти собственную «экологическую нишу», в которую регулярно капали солидные деньги. Он стал специалистом по деликатным поручениям.

Как только появились первые доходы, Саприн первым же делом купил квартиру и съехал от матери, чему та была несказанно и нескрываемо рада: у нее появился очередной кандидат в мужа, намного моложе ее самой, и постоянное присутствие взрослого сына ее нервировало. Николаю было жалко Ирочку, которой уже исполнилось к тому времени двадцать три года. Она тоже собиралась замуж, но прособираться могла бы еще лет сто: о том, чтобы привести мужа в квартиру к матери, и речи быть не могло, никакого зятя в заботливо свитом гнезде Вера Григорьевна не потерпела бы. К счастью, вопрос с замужеством сестры решился благополучно: родители жениха согласились разменять свою квартиру, чтобы отселить молодых. Спустя год Ира со своим Леонидом отбыли в Израиль, а оттуда – в США. И вот тут произошло нечто такое, после чего Николай Саприн, до тех пор относившийся к матери просто холодно, стал ее ненавидеть.

Узнав о планируемом отъезде дочери, Вера Григорьевна выразила желание ехать следом за ней. Договорились, что первыми поедут молодые, у семьи Леонида в США были родственники и знакомые. Когда они хотя бы немного обоснуются, к ним приедет Вера Григорьевна с мужем. Родители Леонида тоже собирались уезжать, но жить в США им не хотелось, они предпочитали остаться в Израиле, где тоже были родственники.

– Давай мы с мужем пропишемся в вашей квартире, – предложила дочери Вера Григорьевна, – а нашу большую трехкомнатную в центре пока будем сдавать, это будет выгоднее. Если вы сейчас продадите свою квартиру, то получите за нее тысяч семьдесят-восемьдесят, а если мы с Сашенькой пока в ней проживем, то нашу трехкомнатную можно будет сдавать за две-три тысячи в месяц, я узнавала, большие квартиры в черте Садового кольца стоят очень дорого. Таким образом, за год мы получим дополнительно тридцать тысяч долларов. Поди плохо? Через годик-другой вы встанете на ноги, вызовете нас, мы продадим обе квартиры и привезем вам деньги за вашу квартиру, за нашу и еще эти тридцать тысяч.

Предложение показалось разумным, Ирочка и ее муж с ним согласились, прописали Веру Григорьевну в своей квартире и отбыли в дальние страны. Спустя почти год Ира позвонила матери и сказала, что ей срочно нужны деньги.

– Мамуля, продавай быстрее нашу квартиру и приезжай. Мы покупаем дом, нужно внести за него деньги.

– Но, видишь ли, это так скоро не делается, – возразила Вера Григорьевна.

– Что не делается? – не поняла Ира. – Квартиру продать – три дня, я же знаю.

– А анкеты, паспорта, визы? Это не так просто.

– Но, мама, деньги нужны как можно скорее. Я пришлю тебе приглашение, оформи туристическую визу и приезжай на недельку. Потом вернешься, закончишь все формальности, и вы приедете уже окончательно.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво проговорила Вера Григорьевна. – Все это так неожиданно...

Через несколько дней Вере Григорьевне позвонил мужчина с приятным голосом, представился знакомым Ирочки и Леонида и сказал, что привез приглашение.

– Я знаю, что с билетами на самолет большие проблемы, их нужно покупать чуть ли не за полгода, но у меня очень хорошие возможности в этом плане, так что я вам помогу с билетом на любой день. Ира очень просила, чтобы вы привезли деньги как можно скорее, им нужно оплатить хотя бы первый взнос за дом. Если у вас проблемы с посольством, я все улажу.

Вера Григорьевна приглашение взяла, но от помощи вежливо отказалась.

Через две недели Ира позвонила брату.

– Послушай, что происходит? – зло спросила она. – Мать вообще собирается везти наши деньги или как? Я не могу добиться от нее членораздельного ответа.

– Я разберусь, – коротко ответил Николай, повесил трубку и помчался к матери, с которой не виделся с того самого дня, как они все вместе провожали Иру и ее мужа в Шереметьеве.

Разговор с Верой Григорьевной его ошеломил.

– Я не собираюсь никуда ехать, – заявила она. – Мне не нужна никакая Америка, я прекрасно проживу и здесь.

– Живи, – согласился Николай, пока еще не понимая, к чему ведет мать. – В чем проблема? Продай Иркину квартиру, отдай ей деньги, а тебя туда никто силком не тянет.

– Продай! – передразнила мать. – А где я буду жить?

– Как это где? – опешил он. – У тебя же роскошная трехкомнатная хата в самом центре.

– Но прописана-то я у Иры, а не в трехкомнатной.

– Ну так пропишись обратно.

– Не указывай мне! – внезапно рассердилась мать. – Это не твое дело. Она уехала, у нее своя жизнь, у меня – своя. Я не обязана оплачивать ее дом. Пусть его родители деньги дают.

– Мать, как ты можешь? – возмутился Николай. – Вы же договорились... Она рассчитывала на эти деньги. В конце концов эту квартиру они получили благодаря родителям Леонида, у него все права на нее, а не у тебя. Так нельзя.

– Убирайся! – взвизгнула Вера Григорьевна. – О ней ты думаешь, а обо мне хоть раз в жизни подумал?

Николай хлопнул дверью и отправился разыскивать Александра, третьего мужа своей матери. К вечеру он уже все понял. Вера Григорьевна старалась для своего Сашеньки, который хотел иметь собственный дом в ближнем Подмоскowie, большой, кирпичный, со всеми удобствами. Одним словом, такой, в каких принято жить на Западе. На строительство этого дома и идут деньги за сданную огромную квартиру. Впоследствии планировалось продать квартиру Ирины, большую трехкомнатную обменять на маленькую с солидной доплатой, тысяч эдак в пятьдесят, и таким образом полностью расплатиться за дом и обстановку. А уезжать Вера Григорьевна и не собиралась с самого начала, все это и было задумано для того, чтобы обеспечить строительство и оборудование роскошного дома в пригороде.

Вернувшись домой, Саприн тут же позвонил сестре и все ей рассказал. Ира разрыдалась.

– Я беременна... Мы не хотели заводить ребенка, пока у нас не будет своего дома, пока у Лени не уладится с работой. И вот с работой все в порядке, мы подыскали дом, а она... Что же мне делать, Коля?

– Подожди, Иришенька, подожди, не плачь. Какой у тебя срок? Может быть, еще не поздно? Я ее дожму, я вытрясу из нее эти деньги, но на это нужно время.

– Ох, Коля... Аборт делать поздно, уже четыре месяца.

Саприн понимал, что силой действовать нельзя, а через суд ничего не добьешься, мать прописана в квартире и никто не может заставить ее сделать то, что она обещала. Для того чтобы вынудить Веру Григорьевну продать квартиру и вернуть деньги дочери, нужно проводить длительную и тщательно разработанную комбинацию, вплетая в нее и шантаж, и ревность к молодому мужу, и страх разорвать отношения с дочерью, и многое другое. На такие комбинации действительно нужно время, а его-то как раз и нет.

Он еще несколько раз пытался поговорить с матерью, но результат был один и тот же. И Саприн понял, что старается напрасно. Ничего у него не выйдет.

Он очень хотел помочь сестре, но не знал, как это сделать. Выход был только один: как можно скорее заработать как можно больше денег и отдать ей. Он знал, что Ира и ее муж живут в квартире, которую снимают на деньги добрых родственников. Деньги, конечно, нужно будет отдать, но это терпит. Беда в том, что работа, которую нашел Леонид, требует, чтобы они жили совсем в другом месте, в другом городе, где нет дешевых мебелишек. А на то, чтобы арендовать приличный дом, денег им никто не даст. Если же отказаться от этой работы, то придется согласиться с тем, что ребенок родится у безработных родителей, чего позволять тоже никак нельзя. До родов оставалось всего два месяца, Ира была на грани отчаяния, и Николай взялся за это сомнительное дело с убийством Вероники Штайнек-Лебедевой только потому,

что Шоринов хорошо за него заплатил. А теперь вот еще Тамара... Если он сможет ее найти и устранить, то получит еще деньги. Этого будет вполне достаточно, чтобы ребенок его сестренки родился в нормальных условиях, в хорошей клинике, откуда его привезут в маленький уютный домик счастливые родители. Если бы не это, если бы не его подлая и жадная мать, он бы никогда не взялся за такое дело. Послал бы подальше Шоринова, и дело с концом. Пусть ищет других исполнителей...

Нынешняя болезнь свалила Николая как нельзя более некстати. Дорог каждый день, ему нужно искать Тамару, чтобы покончить с ней, получить от Шоринова обещанные деньги и отправить их сестре. Часть денег – гонорар за Веронику и кое-какие собственные сбережения – он все-таки успел перевести Ире через российское отделение Дойч-банка, на первый взнос за дом ей должно хватить. Но хорошо бы успеть получить и второй гонорар, чтобы рожала его единственная сестра не абы где и чтобы на приданое маленькому хватило.

Мысль о Тамаре заставляла Николая Саприн болезненно морщиться. Во время двух последних поездок в Австрию он регулярно спал с ней, но не потому, что она ему безумно нравилась, вовсе нет, просто так нужно было для дела. Николай знал, что обладает броской красотой и, если будет всюду появляться один, на него станут обращать внимание как женщины, что естественно, так и мужчины этих женщин. Будут обращать внимание, а значит – запоминать. А этого ему совсем не хотелось. За одиноким красавцем наблюдают десятки глаз. За красивым мужиком, рядом с которым красивая женщина, не наблюдает никто: женщинам не обломится, а мужчинам он не опасен. Но еще существуют горничные, которые всегда могут точно определить, что парочка делала на этих белоснежных простынях – мирно спала или с упоением занималась любовью. И еще есть нечто неуловимое, что сразу позволит опытному взгляду отличить пару просто знакомых от пары любовников или супругов. И никакое актерское мастерство здесь не поможет. Если ты не спал с женщиной, ты не сможешь вести себя с ней так, чтобы все окружающие считали вас любовниками. Черт его знает, почему. Может, кому-то это и удастся, но Саприн точно знал, что у него это не получится.

Тамара приглашение в постель приняла как нечто естественное и не нуждающееся в объяснениях, особо не старалась, было видно, что «отрабатывает» по привычке. Но Саприну понравилось. Понравилось по одной-единственной причине. В самый острый момент она переставала стонать и хрипло выкрикивала: «Я тебя люблю!» Николай понимал, что за этими словами на самом деле ничего не стоит, просто у Тамары такая особенность. Некоторые кусаются, некоторые плачут. Есть такие, которые начинают говорить нецензурные слова. Одни молчат, другие царапаются. А Тамара говорит: «Я тебя люблю». Но слова эти звучали неземной музыкой. Беда Николая Саприн в том, что он ни разу в жизни не слышал от женщины этих волшебных слов, хотя женщин в его жизни было более чем достаточно. Вот как-то не везло ему на искренние признания, а может, он сам к таким признаниям не располагал – сдержанный, холодный, ироничный, всегда готовый поддеть, скрытный, порой надменный. И даже те женщины, которые его действительно любили, никогда не говорили ему об этом. И пока он не услышал заветную фразу от совершенно чужой ему переводчицы, он и не предполагал, как сильно хочется ему слышать такие слова. Всегда хотелось.

Тамара была спокойной и деловой партнершей по работе, свободно говорила по-немецки, непринужденно употребляя идиомы и обнаруживая знание местного фольклора. Но акцент все-таки был, от него невозможно избавиться, если не живешь в стране долгое время, и Саприн с Тамарой выдавали себя за чехов, а в паспортах, которые они предъявляли в отелях и гостиницах, стояли чешские имена и фамилии. Она не была ни болтливой, ни капризной, но беседу могла поддерживать ровно столько, сколько нужно, не выказывая ни малейшего раздражения, скуки или усталости. Одним словом, Тамара Коченова обладала настоящим профессионализмом секретаря-переводчика, которого нанимают для сопровождения в поездках по стране. Она легко переносила отсутствие комфорта, многочасовое сидение в грязных аэро-

поргах без всяких перспектив улететь в ближайшее время, умела быть незаметной и необременительной, безошибочно улавливая момент, когда нужно «появиться», напомнить о себе, вмешаться, помочь. Если клиент прозрачно намекал, не делала вид, что не понимает, мило улыбалась и спокойно сообщала, что постель в комплекс переводческих услуг не входит и потому должна оплачиваться отдельно. Клиенты не возражали, такой расклад всех устраивал.

Саприну было искренне жаль, что Тамара испугалась и сбежала. Как профессионал он понимал, что ее нужно найти и устранить. Но если бы Шоринов не менял свои решения по сто раз на дню, можно было бы сделать все по-другому – умнее и безопаснее. Они с Тамарой вылетели в Австрию, имея указания обратиться к конкретным лицам, получить у них платежные документы и закончить операцию с Вероникой Штайнек к обоюдному удовольствию сторон. По дороге Николай проинструктировал Тамару, объяснил ей, что и как они будут делать, как будут подстраховываться от возможного обмана со стороны Вероники, как следует проверять папку с отобранными из архива листами. Приехав в Австрию и выполнив первую часть задания, он, как и было договорено, связался с Шориновым, а тот велел закончить операцию совсем по-другому. Назначил цену, дал на разгон дополнительно два дня – Николаю нужно было достать оружие, изучить местность, продумать план. И совершенно непонятно, что теперь делать с Тамарой. Ехать на встречу с Вероникой без нее – вызвать массу вопросов, на которые нет ответов. Ведь он только что дотошно объяснял Тамаре ее роль в комбинации: она должна будет проверять папку, а потом, по приезде в Вену, заходить вместе с ними в банк и вести себя так, чтобы окружающие принимали ее за подругу Вероники. Чтобы ни у кого в памяти не отложилось, как мужчина и женщина снимали крупные суммы денег, а другая женщина тут же открывала счет на эту сумму. Пусть все запомнят, что мужчина снимал деньги и отдавал двум молодым женщинам. И как после всех этих объяснений он скажет ей, что поедет на встречу с Вероникой без нее? Как он объяснит ей изменение своих планов? Тамара достаточно умна, чтобы сообразить: от нее пытаются что-то скрыть. А дальше начнется праздник разгулявшегося воображения, и один бог знает, чего она может напридумывать. Нет уж, лучше пусть увидит своими глазами и не выдумывает лишнего. Как знать, может быть, она сочтет себя соучастницей и будет бояться разоблачения. А может быть, и вообще подумает, что миллион долларов – это такие деньги, за обладание которыми просто грех не убить. Ну ведь большие же деньги-то, пьяному ежику и то понятно. Саприн знал Тамару Коченову не очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы понимать, что она не является образцом девственной чистоты и невинности. Собственно говоря, именно по этому признаку ее и подбирали люди Шоринова. Он поехал на встречу с Вероникой вместе с Тамарой, ни о чем ее не предупредив, но и не ожидая никаких катастрофических последствий. И вдруг Вероника приехала не одна, и пришлось убивать еще одну женщину и ребенка. Это было самое плохое – ребенок, мальчик лет пяти-шести. На этом и мужики порой ломаются, а уж женщины-то...

Самообладание и спокойствие Тамары его неприятно удивило. То ли она еще более равнодушна, цинична и безнравственна, чем он думал, и смерть ребенка не выбила ее из привычной колеи, то ли она испугалась за себя, став свидетелем и понимая, что от нее постараются избавиться. Ее бегство из машины возле Катиного дома недвусмысленно свидетельствовало о втором, а вовсе не о первом. Это означало, что она собирается спрятаться и будет искать возможность улизнуть из Москвы. Поэтому действовать следовало быстро, а тут эта болезнь дурацкая! Целых два дня он не может встать. Ну ничего, решил Николай, надо принять ударную дозу всяких там эффералганов-упса, колдрексов и панаололов, а завтра утром начать наконец работать, невзирая ни на температуру, ни на ломоту, ни на слабость.

Все эти два дня он боролся с желанием позвонить Кате, но каждый раз отдергивал потянувшуюся было к телефону руку: а вдруг у нее Дусик, и он, Николай, своим звонком поставит ее в неловкое положение, вынудит оправдываться перед Дусиком. Перекладывая голову с одной подушки, прогретой его горячим лицом, на другую, прохладную, он ругал себя за то,

что не оставил Кате свой телефон, и тут же спохватывался, начинал хвалить себя за то, что не поддался минутной слабости. Оставлять ей свой телефон он не мог, она и фамилию-то его не знает, только имя. Человек, выполняющий деликатные поручения, не должен оставлять свои координаты кому попало.

Николай понимал, почему его так тянет к Кате, хотя признаваться в этом не хотел. Катя, которая была лет на десять моложе его самого, сделала то, чего ни разу в жизни не сделала его мать: заставила его почувствовать себя заботливо опекаемым, слабым, надежно защищенным. Катя занималась его лечением так, словно в очередной раз лечила кого-то из младших братьев или сестер: ласково, тепло, по-матерински. А именно ласки и материнского тепла Николай никогда и не видел. Точнее, видел, но от бабушки, а это совсем не одно и то же, особенно если понимаешь, что бабушка-то тебя, конечно, любит, а вот родной матери ты сто лет не нужен, мешаешь только.

В конце концов, каковы бы ни были причины, лежавшие на уровне подсознания, на уровне сознания Николай Саприн знал: он хочет увидеть Катю.

* * *

Ему пришлось долго искать агентство, через которое нанимали Тамару. На самом деле ее кандидатуру подсказал кто-то из знакомых Дусика, но, чтобы не светиться, Михаил Владимирович действовал через агентство. Он позвонил туда по телефону и попросил связать его с Тамарой Коченовой, и ему дали ее домашний телефон. Случись что, в агентстве подтвердили бы, что телефон дали именно они.

Агентство «Ли́ра» находилось на каких-то задворках в районе Русаковской улицы. Над обшарпанной входной дверью, которая выглядела так, словно ее не открывали лет по меньшей мере пятьдесят, висела покосившаяся табличка, возвещавшая, что за этой волшебной дверью находится городская библиотека номер 78. Для того чтобы догадаться, что на самом деле там находится агентство «Ли́ра», нужно было обладать недюжинным воображением и верой в чудеса. С верой в чудеса у Саприна было напряженно, зато с воображением – более или менее прилично. Во всяком случае он не без труда толкнул невзрачную дверь и поднялся по вонючей темной лестнице на второй этаж. Там было уже попримечнее: и вывеска соответствующая, и дверь стальная с кодовым замком.

Николаю довольно легко удалось расположить к себе симпатичную круглолицую девушку с короткой стрижкой и забавно вздернутым носиком, которая считалась в «Ли́ре» диспетчером: в ее обязанности входило принимать заказы и подбирать по картотеке подходящие кандидатуры с учетом пожеланий заказчика – язык, возраст, пол, знание стенографии, работа на компьютере и множество других особых требований. Например, однажды, рассказывала диспетчер, их попросили подыскать переводчика-мужчину, у которого не меньше двух детей. Оказалось, что греческий коммерсант, желающий посетить с деловыми целями несколько российских городов, очень любит поговорить о детях, причем непременно с мужчиной-отцом. Если за целый день ему не удалось хотя бы час уделить такой беседе, рассказать о своих детках и с удовольствием послушать о чужих, то он считал, что день прожит зря. Короче, круглолицая курносая Танечка выбирала из картотеки подходящих кандидатов и передавала их менеджеру Ларисе, а уж Лариса сама решала, кому из них предложить работу, сама созванивалась с переводчиками и с заказчиками, уточняя условия договора.

– Подскажите мне, пожалуйста, как найти Тамару Коченову. Мне ее рекомендовали как очень квалифицированного переводчика, – начал Саприн, улыбаясь как можно более обаятельно и просительно.

– Какие у вас требования? – деловито спросила Танечка, приготовив карандаш и блокнот.

– Немецкий язык, возможность выезда в Швейцарию, стенография.

– Компьютер?

– Нет, это не нужно.

– Наша фирма может порекомендовать вам...

– Спасибо, – перебил ее Николай. – Но я бы хотел работать с Коченовой. Дело в том, что мне в Швейцарии предстоят контакты с теми людьми, которые знают Тамару, они приезжали в Москву. Эти люди очень высоко оценили ее деловые качества, и мне будет легче найти с ними общий язык, если рядом будет именно Коченова.

– Тогда вам нужно обратиться к менеджеру, – пожала плечами Таня. – Пройдите в соседнюю комнату. Ее зовут Лариса.

– А почему я должен обращаться к ней? – Саприн улыбнулся еще более обаятельно и тепло. – Разве мы с вами не можем разрешить мою проблему без нее?

– Так не полагается, – нахмурилась девушка. – Моя обязанность – принимать заказы и делать первую прикидку, кто мог бы подойти. А связывает заказчиков с переводчиками менеджер, мне не разрешается это делать.

– Танечка, я же не вчера родился, я прекрасно понимаю, что смысл работы агентства в том, что он связывает заказчика с исполнителем и берет себе за это комиссионные. Не смотрите на меня с таким ужасом, это суть работы любого агентства. На эти комиссионные содержится помещение «Лиры» и платится зарплата персоналу. Вам, естественно, меньше, чем менеджеру. Так что будет только справедливо, если за размещение одного, всего одного заказа комиссионные полностью получите вы сами. Никто ведь не узнает. А телефон Тамары Коченовой у вас наверняка есть.

– И все-таки я не понимаю, – упрямо возразила Танечка, – почему вы не хотите обратиться к Ларисе? Конечно, деньги мне нужны, врать не стану, но ведь они и Ларисе нужны. Почему же из нас двоих вы выбрали меня? Тем более что вы Ларису еще и в глаза не видели.

– Объясняю. – Теперь улыбка Николая стала широкой и веселой. Он ласково взял Танечку за руку и доверительно наклонился к ней. – Я хочу предложить Тамаре очень высокую оплату, потому что заинтересован в ней больше, чем она во мне. Я вам уже рассказал, почему. Комиссионные у вас не фиксированные, а составляют некоторый процент от размера гонорара. Если ваша Лариса узнает, какие деньги я плачу Тамаре, а она неизбежно об этом узнает, если я сейчас обращусь к ней, она направит в налоговую службу соответствующий документ. Тамара в конце года заплатит большой налог. На таких условиях она не согласится работать со мной, налоги-то у нас прогрессивные, много зарабатывать невыгодно. Поэтому я хочу обойтись без договора и без этой вашей Ларисы. Я заплачу комиссионные лично вам, а гонорар – лично Тамаре, и на этом мы разойдемся, исполненные любви и согласия. Ну как? Договорились?

Танечка оказалась девушкой без комплексов, угостила Николая кофе с печеньем и каплей коньяка, деньги взяла, а в обмен выдала ему адрес и телефон не только Тамары Коченовой, но и ее матери. Собственно, ради телефона и адреса матери все и было затеяно, потому что телефон самой Тамары у Саприна и без того был. Все переводчики, пользующиеся услугами «Лиры», должны были оставлять в агентстве сведения обо всех местах, где их в случае нужды можно быстро разыскать.

* * *

Саприн не сомневался, что дома Тамары нет. Конечно, он позвонил ей, приехал по указанному Танечкой адресу, убедился, что дверь квартиры ему никто не открыл, но все это не было для него неожиданным. Существовал стандартный набор действий для подобных случаев: соседи, старушки-пенсионерки около подъезда, мамыши возле детской площадки. Уже через час Николай знал, что Тамара уехала в Австрию две недели назад и до сих пор не возвращалась. Соседка с верхнего этажа была в этом совершенно уверена, потому что Тамара

оставляла ей ключи от своей квартиры и просила через день поливать цветы. Раз за ключами не пришла, значит, не вернулась еще, это же ясно. Да и машина стоит, как она ее поставила две недели назад.

Саприн быстро оглядел светло-зеленые «Жигули», на которые указала соседка Тамары, а выйдя из дома, прошел мимо них и чуть замедлил шаг. Похоже, женщина права, на машине действительно никто не ездил в течение нескольких ближайших дней – пыль на капоте и на лобовом стекле лежала ровно.

Он отправился в район Филевского парка, где жила мать Тамары. Та, к счастью, оказалась дома, но провела его в кухню и попросила подождать: у нее шел урок, и прерывать его не полагалось. Алла Валентиновна была дамой лет около пятидесяти, но об этом мог догадаться только тот, кто знал, что у нее есть двадцативосьмилетняя дочь. А те, кто этого не знал, наивно полагали, что Алле Валентиновне нет еще и сорока, настолько она была жизнерадостна, постоянно готова к улыбке, стройна и моложава. Коченова-старшая, как понял Николай из обрывков фраз, доносящихся до него из комнаты, преподавала немецкий язык. Его удивила та легкость, с которой хозяйка впустила в квартиру незнакомого человека и оставила одного, пусть и на кухне, где, как принято считать, никаких ценностей не держат, но все-таки... Конечно, у нее там полная комната учеников, судя по голосам, далеко не мальчишеского возраста, так что бояться, что незнакомец ее убьет или ограбит, не приходится, но ведь урок закончится и они уйдут, а он останется с Аллой Валентиновной вдвоем.

Николай чувствовал себя не очень хорошо, к вечеру слабость усилилась и, кажется, снова поднялась температура. Он вытащил из кармана маленькую плоскую коробочку из голубой пластмассы и достал из нее три разные таблетки. Оглядевшись, увидел посудную полку, взял стакан, налил воды из чайника и запил лекарства. В какой-то момент ему подумалось, что вот так он сидел бы и сидел, никуда не торопясь. Как было бы хорошо, если бы вдруг оказалось, что ему не нужно искать и убивать Тамару, никакой опасности она не представляет, а деньги для сестры дала мать. Тогда он лег бы в постель, закрыл бы глаза и проспал бы, наверное, целую неделю: из-за болезненного состояния усталость казалась ему раз в двадцать сильнее, чем была на самом деле. Как было бы хорошо, если бы Алла Валентиновна сейчас вошла в кухню и сказала: «Вы напрасно ищете Тамару. Несколько дней назад она попала под машину и умерла». И все. И все проблемы решились бы сами собой. Но она так не скажет, уж очень у нее спокойное и улыбчивое лицо, таких лиц не бывает у женщин, только что похоронивших своего ребенка.

Наконец из прихожей послышались голоса уходящих учеников. Хлопнула дверь, хозяйка появилась в кухне.

– Перерыв между группами полчаса, надо быстренько съесть что-нибудь, а то свалюсь в голодный обморок, – заявила она, с молниеносной быстротой вытаскивая из духовки сковороду, а из холодильника продукты. – Вы составите мне компанию?

– Благодарю вас, я не голоден. А вот чаю выпью с удовольствием, если дадите.

– Дам, отчего ж не дать хорошему человеку, – весело ответила она и тут же расхохоталась над невольной сказанной двусмысленностью.

– Какие у вас сроки? – спросила она, когда на сковороде многообещающе зашипело что-то ароматное.

– Какие сроки? – удивился Саприн.

– Когда вам ехать?

– Куда ехать?

– Ну, за границу, куда же еще. Вы же для этого хотите язык учить, а не для того, чтобы читать Гейне в оригинале, верно?

Саприн сообразил, что Алла Валентиновна принимает его за очередного ученика, который перед отъездом за рубеж хочет быстренько «наблатыкаться» в разговорном немецком.

– Алла Валентиновна, я ищу Тамару. Вы не знаете, где она?

– В командировке, – удивленно ответила Коченова. – А вы кто?

– Как вам сказать... – Саприн сделал вид, что смутился. – Ну, если называть вещи своими именами, то любовник и, по-видимому, неудачливый. Но я надеюсь, что все еще можно поправить.

– Как вас зовут?

– Николай.

– Тамара, кажется, ничего о вас не рассказывала, – задумчиво произнесла Алла Валентиновна, выкладывая кусочки тушеных овощей из сковороды в тарелку. – Еще раз предлагаю: поедите со мной? Это очень вкусно, честное слово.

– Спасибо большое, не обращайтесь на меня внимания, я лучше чаю.

– Ну как хотите. И давно вы знакомы с моей дочерью?

– Нет, всего пару месяцев. Видите ли, я знаю, что она уехала в Австрию на несколько дней, но она должна была вернуться в субботу вечером, так она сама мне сказала. Начиная с вечера субботы я каждые полчаса звоню ей домой, но никто не отвечает. Вот я и подумал, что она меня бросила, решила больше со мной не встречаться. Прячется от меня, ждет, когда я перестану названивать ей. Может быть, у нее роман с тем человеком, с которым она уехала, они вернулись и находятся сейчас у нее в квартире. Поймите, Алла Валентиновна, я далек от мысли изображать из себя Отелло, хватать в руки нож и нестись сломя голову разбираться с Тамарой и ее новым увлечением. Ни в коем случае. Но я хочу ясности, я хочу определенности. Если Тамара не хочет больше меня видеть, пусть так и скажет. Я ни словом ее не упрекну, исчезну и больше не появлюсь в ее жизни, я же нормальный человек, поверьте мне. А так я как дурак названиваю ей, переживаю, страдаю, себя мучаю, да и ей неприятно. Кому это нужно?

– Вы напрасно изводите себя, Коленька, – ласково сказала Коченова. – Тамара вовсе не прячется от вас, она действительно еще не вернулась из поездки.

– Но она обещала вернуться в субботу, а сегодня уже четверг.

– Тамара звонила мне в воскресенье и предупредила, что остается в Австрии на несколько месяцев, ей там предложили очень выгодный контракт, что-то связанное с туризмом. Другое дело, что, конечно, ей следовало бы самой вам позвонить, а не ждать, пока вы вконец издергаетесь и придете ко мне. Кстати, как вы меня нашли?

– Тамара дала мне ваш адрес и телефон, когда мы только познакомились. Она собиралась вас навестить и предупредила меня, что если я не найду ее в тот день дома, значит, она у вас и я могу за ней подбегать к вам, в Филю.

– Понятно. Моя дочь всегда была немного легкомысленной. Это вполне в ее духе – принимать внезапные решения, совершенно не думая о том, какие последствия такое решение повлечет. Хорошо еще, что при этом она хотя бы мне звонит, так что мне не приходится обзванивать больницы, морги и отделения милиции. Совершенно не умеет думать на полшага вперед! Вот вам пример: приняла предложение остаться в Австрии на несколько месяцев – что ж, прекрасно. А о том, что у ее машины неисправна сигнализация и она стоит не в гараже, а на улице возле дома, она вспомнила? Нет, конечно. Зато, уверяю вас, через неделю она вспомнит об этом, позвонит мне и начнет канючить и просить, чтобы я что-нибудь придумала. А что я могу придумать? Ключей от машины у меня нет, значит, единственное, что можно сделать, это найти человека, который поставит на машину эту жуткую железную «улитку» с замком. Но всем этим должна буду заниматься я, а вовсе не владелица машины. Налить вам еще чаю?

Выйдя из квартиры Аллы Валентиновны Коченовой, Саприн подумал, что наконец-то получил хоть какую-то информацию. Домой Тамара не пришла, спряталась у кого-то из знакомых, позвонила матери, соврала, что находится в Австрии и остается там на несколько месяцев. Значит, она уверена, что по крайней мере в течение нескольких месяцев ей удастся отсидеться в тиши. Но не в Москве же! Это возможно только при условии, что она не будет выходить из

квартиры. Нелепо. Значит, она нашла, куда уехать. И скорее всего уже туда уехала. С этим понятно.

Теперь машина. Мамочка, судя по всему, знает своего ребеночка не очень хорошо. Тамара вовсе не производит впечатления легкомысленной и непредусмотрительной, хотя склонность к авантюрам, конечно, есть, и очень сильная. Но не настолько сильная, чтобы забыть об оставленной без сигнализации машине. Тамара должна была кого-нибудь попросить заняться машиной и оставить ключи. Во всяком случае именно так поступили бы 99,9 процента людей, а Тамара Коченова не походила на безумную оригиналку, которая могла бы попасть в оставшуюся одну десятую процента. Значит, нужно день и ночь наблюдать за светло-зелеными «Жигулями» и ждать, пока к ним подойдет человек, с которым Тамара общалась после возвращения из Австрии.

Глава 5

Эдуард Петрович Денисов задумчиво смотрел на листок бумаги, лежащий перед ним на полированной поверхности письменного стола. Манфред Кнепке сдержал слово, нанял частного детектива, который проделал огромную работу. И вот итог этой работы – один стандартный листок с перечнем фамилий. Тридцать четыре фамилии, две из них принадлежат убийцам Лили и ее сына. Какие из них?

Детектив Уве Петер, не прибегая к помощи полиции, сделал невозможное. Он нашел людей, которые в то раннее дождливое субботнее утро видели машину, на большой скорости выезжавшую со стороны Визельбурга на шоссе Зальцбург – Вена. Он методично объехал все агентства, предоставляющие автомобили в аренду, и собрал сведения о людях, бравших напрокат джипы цвета «мокрый асфальт». Он терпеливо искал этих людей и нашел всех, кроме одного. Этот человек с чешской фамилией не был известен австрийским посольствам ни в Чехии, ни в Словакии. Манфред использовал свои связи и выяснил, что человек с такой фамилией в указанных посольствах визу на въезд в Австрию не оформлял. Это лишь подтвердило первоначальную догадку о том, что убийца пользовался фальшивыми документами, присвоив себе славянскую национальность, чтобы оправдать акцент. Это должен был быть человек достаточно опытный и искушенный, который знает, что по акценту почти всегда можно догадаться о том, какой язык является родным. Англичанин будет говорить по-немецки совсем не так, как француз или итальянец. Или славянин.

Петер, обрабатывая свой гонорар, спал по три часа в сутки и работал с невероятной скоростью, благо у него как у главы детективного агентства были помощники. В гостиницах он и не думал искать следы загадочного «чеха» – если паспорт фальшивый, в нем нет отметок о пересечении границ, а в гостиницах на это, как правило, обращают внимание. Искать следовало в мотелях, где порядки куда более вольные. Ему хватило трех дней, чтобы найти мотель, хозяин которого помнил супружескую пару с чешскими именами – красивая шатенка с прямыми волосами до плеч и ее муж, синеглазый брюнет. Очень эффектная пара. Приехали в среду, 13 сентября, уехали в субботу рано утром – так записано в книге регистрации. Как ему показалось, они действительно чехи? Вроде да. Говорили с акцентом. Правда, говорила в основном женщина, мужчина больше помалкивал. Поляки? Может быть, откуда ему знать. А может, сербы? Может, и сербы. Да, машина была, темный джип. Нет, ничего особенного не запомнилось, обычные постояльцы, путешествуют по стране, видно, не очень состоятельные, раз остановились в мотеле, а не в гостинице.

Значит, их было двое. И появились пусть убогие, но все-таки приметы внешности. И еще у Манфреда укрепилось убеждение, что они – русские. Если их нанял мстительный Югенау, много лет проработавший в Москве, то они не могут быть никем, кроме как русскими. Следующим шагом было получение списков лиц с красными и синими «советскими» паспортами, прибывшими в Австрию в период с 10 по 13 сентября (Уве Петер брал с запасом) и убывшими в субботу и воскресенье, 16 и 17-го числа. На отработку списка ушло еще несколько дней: отсекались люди, явно не подходящие по возрасту, пары с детьми, туристические группы и некоторые другие категории. Наконец остались 34 человека. На этом частный детектив Уве Петер свою работу закончил. Пришла очередь Эдуарда Петровича Денисова включиться в поиски убийцы.

На пороге своего семидесятилетия Эдуард Петрович Денисов стоял уверенно, высоко держа крупную, красивой формы седую голову и не мучаясь болезнями и недомоганиями, свойственными пожилым людям. Он был сказочно богат, но демонстрировать это лишней раз не любил и роскошью не увлекался, хотя порой тратил свои капиталы на совершенно, казалось бы, ненужные вещи. Он терпеть не мог давать деньги в долг и оказывать помощь менее

удачливым финансистам, но мог, не задумываясь, потратить немалые суммы на организацию большого праздника в городе, на поддержку интерната для одаренных детей или на подарки старым друзьям. Наживался и сколачивался капитал Денисова с середины 60-х годов, дважды Эдуард Петрович побывал под следствием, и даже один раз дело дошло до зала суда, но все это было в далеком прошлом. Он, однако, очень хорошо помнил тот ужас, который охватил его, когда судья с народными заседателями удалились для постановления приговора. Прошло больше двух часов, пока они не вернулись в зал судебного заседания, и за эти два часа Денисов успел многое передумать и дать себе слово, что, если все закончится благополучно, он непременно когда-нибудь будет вкладывать свои деньги в благотворительность, ибо в конце концов нет ничего дороже людской благодарности. И слово свое он сдержал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.